ПИОНЕР

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1929

ИЗ ВАГОНА СООБЩЕНИЙ

Много сообщений о слете приходят из всех стран мира, из всех городов СССР и многих деревень. Если их все сложить вместе, то, пожалуй, ими можно наполнить целый вагон в поезде. «Пионер» порылся в этом вагоне сообщений и кое-что интересное для своих читателей извлек и теперь печатает.

Нью-Йорк. Вашу каблограмму с приглашением на слет получили, Посылаем пять делегатов. Из них один выбран негритянскими ребятами. Сейчас во-всю работаем. Издали небольшую книжку о посылке делегации. Наши пионеры уже продали ее 1500 штук. Сейчас выпускаем 10 000 значков в честь посылки делегации. Все средства от их продажи пойдут на проезд до вас. Ведь, путь стоит очень дорого. Сначала мы должны собрать всех делегатов в Нью-Йорк. Оттуда на пароходе они пересекут Атлантический океан и, наконец, попадут к вам, свободным ребятам свободной страны.

По дороге делегаты заедут в Англию. Там они вместе с английскими пионерами устроят демонстрацию против скаутского слета.

Берлин. Сто делегатов конференции пролетарских ребят шлют боевой привет вам, свободным ребятам. Выбрали десять делегатов на ваш слет. Остальные пять будут выбраны пионерами крупнейших городов Германии.

Чехо-Словакия. Собираем средства на посылку делегации. Полиция конфисковала номер нашего журнала «Красный Барабанщик» со статьей о посылке делегации. Мы выпустили его во второй раз. Из статьи полиция оставила всего $7^1/_2$ строчек. Теперь журнал совсем закрыт. Вот в каких условиях нам приходится работать.

Саратов. *Окончился слет пионеров Нижне-Волжской области.*

На нем было 254 делегата. Один день слета был посвящен сбору средств для пролетарских детей Запада. Делегаты распространили 3 000 жетонов и тысячу открыток, собрав 137 рублей. На другой день все делегаты отправились по школам и организовали школьников на сбор металлического лома и бумажного хлама. Было собрано около 9 тонн лома. Приводим отрывок из рапорта на слете делегации Калмыцкой области.

— В Эркетенях пионеры выявили 72 неграмотных и вовлекли их на ликпункты.

Пионеры райшколы Дербетовского улуса вымостили дорожку к сельсовету, втянули неграмотных на ликпункты, с комсомолом оборудовали клуб.

— Пионеры Ленинского аймака учли 57 неграмотных, которых распределили между собой для обучения.

— 300 пионеров и школьников г. Элисты участвовали в субботнике по строительству города.

— Калмыцкие ребята свой рапорт иллюстрировали загримированным под гилюка (попа) пионером.

Москва. У нас много интересных новостей к слету.

1 500 девочек детских площадок разучивают военный танец. Это очень занятное зрелище, которое увидят делегаты слета.

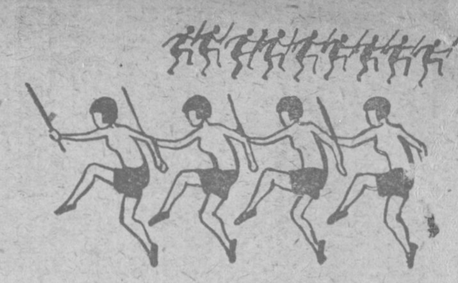
Рабоче-крестьянская инспекция выделяет особое бюро жалоб, которое будет срочно рассматривать жалобы, привезенные делегатами слета.

Делегация оренбургских пионеров вызвала на соревнование по конным скачкам казакстанскую делегацию.

На параде, на котором откроется Всесоюзный слет, будут присутствовать 6 600 делегатов слета, 15 000 московских пионеров и 5 000 гостей рабочих.

Автодор назвал усовершенствованное шоссе около Щелкова „Дорогой имени I Всесоюзного слета пионеров".

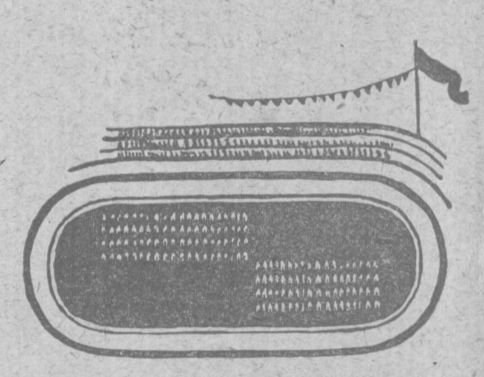
Так как в Москве нет такого помещения, в котором могли бы уместиться все 6 600 делегатов слета сразу, то заседания конференции будут устроены на одном из стадионов Москвы

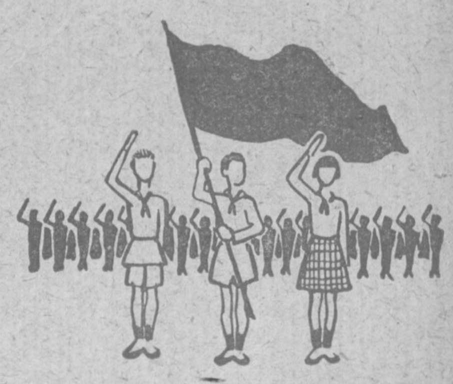
1 500 девочек разучивают военный тав

Будут состязания по конным скачкам.

На слете будет 6 600 делегатов.

К слету будь готов.

РЗФ

П29
34

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ИЮЛЬ
№ 14

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Гос. Публичн. Б-ка
1929.
Об. экз. Лнгр.

Повесть А. МАТИАС
Рисунки Я. ТАЙЦА

Глава I

Заседание областного исполкома началось в восемь вечера. Вот уже пятый час утра, а оно все еще продолжается.

В повестке заседания стоит только один вопрос:

О НАСТУПЛЕНИИ ЧЕХОСЛОВАКОВ НА ЕКАТЕРИНБУРГ

Военный комиссар Котов делает последнюю информацию о положении дел. Он только что вернулся с телеграфа, где говорил с чехами по прямому проводу. Толстый портфель его топорщится от телеграфных лент. Когда Котов начинает их читать, они, падая на пол, свиваются клубком, словно бумажные черви, и, вытягиваясь, короткими фразами сообщают:

„Требуем свободного пропуска с оружием в руках чешских эшелонов Содействия местных советов нашему продвижению Снятия всех военных сил с нашего пути В противном случае Екатеринбург постигнет судьба Челябинска

Богдан Павлу"

— По вашему указанию послал им телеграмму,— продолжает Котов:

„Ответа не будет"

— „Долгих, Долгих, Долгих",—выстукивала дальше машина фамилию передававшего телеграфиста.

— Есть вопросы?—спрашивает предоблисполкома Голованов.

— Новых предложений к принятому плану обороны и эвакуации города нет?

— Заседание закрываю. Членов президиума прошу остаться.

Дежурная уборщица сменила шестой раз стаканы чаю, потушила электричество и смела со стола окурки, падавшие из переполненных пепельниц.

Выждав ее ухода, Голованов развернул и прочел расшифрованную телеграмму:

„Весь запас золота платины и бумажной наличности ввиду чехословацкой опасности необходимо своевременно вывезти в безопасное место Организуйте дело с вернейшими людьми в случае невозможности доставить в центр скройте на месте Предцик Свердлов"

— Сколько у нас этого добра?—спросил Голованова зампред Калачев.

— Да вот нашему наркомфину лучше знать,—повернулся тот к Крестьянникову.

Крестьянников, грузного вида человек, бывший приисковый техник, порылся в многочисленных карманах френча (тогда модного в Советской России), достал записочку и ответил:

— Если начать с мелочи, то по нашим подсчетам, примерно, получается так: зубного золота, драгоценностей, серебряной монеты с тонну, золота в слитках тонн 6 и платины не плавленной тонны 3. Самое же главное—весь Сибирский валютный запас 496 миллионов рублей. И наше счастье, что мы его не успели недельки на две раньше отправить в Омск, а то было бы чем поживиться чехам.

Деньги лежат в банках, остальное—в Золотосплавочном дворе.

— Так,—сказал Голованов.—Кому же поручить организовать эту музыку?

— Кому же, как не тебе,—раздалось несколько голосов.—Возьми из партийной дружины ребят. Пусть везут. Укажи сам маршрут. Сам найди верного человека. Тут надо такого, который, кроме решительности, имел бы еще и хорошую голову на плечах. Одним словом, большевика, подкованного на все четыре ноги.

— Это дело тонкое,—добавил со своей стороны Калачев,—чем меньше будем знать мы сами, тем лучше.

— Значит, поручить мне. Кто против? Тебе чего?—спросил Голованов поднявшего руку левого эсера Семипалатинского.

Гос. Публичная Библиотека

— Настаиваю, чтобы были привлечены к перевозу золотого запаса и дружинники левых эсеров.

— Большевиков, что ли, нехватит?

— Хватит, да только все-таки настаиваю,—упорствовал Семипалатинский.

— Да, пойми, напрасно ты уперся,—пробовал убедить его Голованов.—Настаиваешь?

— Настаиваю.

— Значит, в охрану привлечь дружинников-большевиков и левых эсеров. Подобрать начальника должен я,—резюмировал Голованов.— Против нет?

Сидевшие, потягиваясь, поднялись и стали одеваться. Сквозь окна брезжило утро. Голованов, проводив последнего товарища, направился к телефону.

— Центральная! Дайте Академию генерального штаба. Академия? Комиссара Реброва срочно.

Ребров приехал в Екатеринбург два дня назад в момент, не совсем обычный. Одна из железнодорожных дружин, недовольная маленьким пайком и плохим обмундированием, заняла пассажирский вокзал, расставила пулеметы по его окнам и предъявила областному комитету двадцатичетырехчасовой ультиматум: выдать в означенный срок разрешение на право реквизиций у городских жителей. Оставшиеся верными советской власти, железнодорожники окружили вокзал, втащили, в свою очередь, на водокачку пулеметы и стали барабанить свинцовым дождем по крышам станционных сооружений. Кто-то из военного комиссариата выкатил даже трехдюймовое орудие на плотину Исетского пруда и готовился к обстрелу восставших железнодорожников.

Пассажиры только что пришедшего поезда, а вместе с ними и Ребров, попали между двух огней. С одной стороны, на них глядели пулеметы, с другой—винтовки рассыпавшихся в цепь стрелков.

Ребров нащупал под полой своей шинели висевшие на поясе ручные гранаты, поправил кобуру нагана и, не задумавшись ни на минуту, смело направился в двери вокзала. Двое часовых преградили ему дорогу, слегка выставив вперед штыки. Быстрым движением схватил он оба штыка и резко дернул к себе. Не ожидавшие нападения часовые потеряли равновесие, стукнулись головами друг о друга и покатились на пол. Ребров выхватил с ремня ручную гранату, вбежал в буфетный зал, где расположились главные силы недовольных, и громко крикнул, срывая кольцо с гранаты:

— Ни с места! Сам взорвусь, но взорву и вас.

Все присутствующие замерли в оцепенении. Несколько мгновений тянулось это оцепенение, потом кто-то опустился на пол и пополз на животе к дверям, за ним последовал второй, третий...

Ребров не препятствовал, он быстро подбежал к ближайшему окну, столкнул с него один пулемет, а затем и остальные. Снаружи на помощь Реброву бежала цепь верных Советам железнодорожников.

Вот этого-то Реброва и вызвал теперь в шесть часов утра по телефону Голованов.

Ребров вскочил, накинув шинель, как только дежурный по Академии постучал ему в дверь, и сказал, что его просит к телефону Голованов.

— Ребров, ты?

— Я.

— Спешно приезжай ко мне. Когда будешь?

— Через пятнадцать-двадцать минут.

— Хорошо. Приедешь, если засну, разбуди.

Через пятнадцать минут Ребров будил Голованова, спавшего в одежде на диване.

— Егорыч, я приехал. В чем дело?

— Прочти вот это,—протянул Голованов последние сводки из-под Аргаяша.—Бегут наши. От собственных выстрелов бегут. Сегодня к вечеру чехи могут быть здесь.

— Ну, брось ты. У тебя это со сна, Егорыч.

— Дураки будут, если не займут сегодня Екатеринбурга. На это только мы и можем рассчитывать. Для тебя же есть дело. Возьмешься везти золотой запас?

— Конечно.

— Тогда возьми вот эти записки. В золотосплавочном получишь золото и платину, всего тонн 10. В банках деньги. Для охраны возьми ребят наших пятнадцать, и придется, к сожалению, взять пятнадцать эсеров.

— На что они мне.

— Ничего не поделаешь—на „паритетных" началах приходится. Смотри за ними в оба, к делу не подпускай и вида не подавай, что держишь их на прицеле. Съезди сам к Жебелеву, он должен предоставить тебе состав, осмотри его, чтобы было все налицо. Для погрузки золота и платины возьми в Горпродкоме пленных австрийцев. Разговоров с ними меньше, да они и не поймут, что грузят. Когда все кончишь, позвони мне,—договоримся о маршруте.

В семь часов в штабе партийной дружины все, кроме дежурного, спали. Дежурной была какая-то работница. В караульной комнате спали вповалку дружинники. На зов поднялся организатор дружины Торошилов. Он вызвал желающих. Из них отобрали лучших, главным образом, верхисетских рабочих.

Построившись, пошли к лево-эсеровскому штабу. Мохнатый, рыжий мужчина несколько раз прочел записку Голованова, звонил кому-то из своих вождей по телефону, с кем-то совещался и, как-будто нехотя, начал писать на бумажке фамилии назначаемых. Пятнадцать новых дружин присоединились к маленькому отряду. Все вместе тронулись к Золотосплавочному двору, где их уже ждали военнопленные.

Небольшое двухэтажное здание Золотосплавочного двора стояло у самого берега Исетского пруда. Железные ворота, толщиной в вершок, на чудовищных петлях, вели во двор.

Военнопленные стали перетаскивать груз.

Внутри в деревянных ящиках и стеклянных банках на полу находилась платина. В простых холщевых мешках, едва-едва завязанных, без печатей лежало слитками золото. Слитки—величиной с руку до локтя. Помещение плавильных печей помещалось рядом. Заведующий, из бывших чиновников, пренебрежительно махнул рукой:

— Берите...

— Где же список?

— Нет никаких списков.

— Как нет? Откуда же знать, сколько его тут?

— Вешали мы. 3 тонны платины, 6—золота. А упаковывать и запечатывать некогда. Да и не к чему,—иронически добавил заведующий, имея, очевидно, в виду, что „большевики все равно растащат"...

Партиями по три человека военнопленные стали проходить в золотосплавочную и перетаскивать груз в автомобили. В первой тройке здоровяк-австриец нагнулся, схватил несколько мешочков сразу, да так и остался согнутым, прикованный к месту тяжестью груза. Схватив обеими руками один мешок, он едва приподнял его и с изумлением выругался:

— Чорт возьми! Ничего не понимаю!

На товарном дворе ждал состав из четырех вагонов. Два пассажирских для охраны, два грузовых американских—для груза, запасов продовольствия, военного снаряжения, взрывчатых веществ, веревок, инструментов и лопат.

Из-за затруднений в выборе поездного состава Ребром только после двух часов приступил к перевозке денег из банков.

Директор Сибирского банка, куда, в первую очередь, подъехал грузовик за деньгами, принял Реброва у себя в кабинете.

— Гражданин директор, прошу выдать мне имеющиеся у вас деньги,—протянул ему Ребров распоряжение областного исполкома.

— Для меня этот документ недействителен.

— Почему?

— Я могу распорядиться средствами только по указанию из Москвы.

— Однако, на этот раз вам придется довольствоваться и этим приказом.

— В таком случае ломайте сейфы.

— Ну нет, вы сами откроете их или горько раскаетесь. Румберг, Власов, ко мне! — крикнул Ребров.

Два дружинника выросли перед глазами старика. Его бакенбарды отбивали чуть заметную дрожь. Кровь медленно уходила из пухлых директорских щек. Он поспешно пролепетал:

— Подчиняюсь насилию. Я был обязан протестовать. Извините, господин комиссар.

По вспотевшей лысине директора сползала крупная капля пота.

— Протестовать можете,—бросил Ребров на ходу,—а теперь ведите в кладовые.

Сорок голов из-за стеклянных перегородок проводили своего директора до дварей кладовой и зашептались: „Большевики падают,—деньги увозят, делить хотят".

Самый старый банковец собрал вокруг себя группу сослуживцев и с жаром стал доказывать, что надо просить о выдаче жалованья вперед, а то большевики все увезут. По телефону другие банки были оповещены о событиях в Сибирском банке, и, когда Ребров явился в один из них, предполагаемых денег оказалось меньше на большую сумму. Правление банка распорядилось выдать жалованье служащим за шесть месяцев вперед.

— За шесть месяцев выдал саботажник,—объяснялся Ребров с председателем правления,—шесть

Подчиняюсь насилию...

месяцев и получишь, а там видно будет. Рунберг, веди его в областком к Голованову.

— Господин комиссар, я не знал...

— Теперь узнаешь.

— Назвонили, шкурники, на весь город,—сказал Ребров Торошилову.—Теперь придется расхлебывать. Ты там держи ухо востро. Выставь вокруг состава оцепление, а на крышу американских вагонов посади одного парня, чтобы внимательно смотрел по сторонам. Двери товарного двора закрой и часового поставь. Боюсь, как бы в городе буза не произошла. Ну, съезжу в последний банк и оттуда прямо на вокзал.

Длинный июньский день уже давно кончился. Последние лучи зари тускло блестели на верхушке Вознесенского собора, а Голованов все не приезжал. Ребров беспокойно прохаживался по платформе, раздумывая о том, что могло задержать предисполкома. В десятый раз подходил к прицепленному, тихо фыркавшему паровозу Н 216 с машинистом коммунистом Красноперовым был предоставлен эшелону на всю поездку.

— Красноперов, сколько предельно можешь итти?

— Семьдесят пять.

— А долго можешь держать такой ход?

— Постараюсь. Только бы скорей отправление. В депо сегодня бузить собирались. Боюсь, не задержали бы...

Ребров невольно подумал—не потому ли и происходит задержка, что где-то в депо бузят.

На крыше одного из американских товарных вагонов, по длиному настилу вдоль железного поручня шагал часовой дружинник, поглядывая с высоты по сторонам. Как бы в ответ на догадку Реброва, он неожиданно остановился и стал пристально смотреть в одну из улиц.

— Товарищ Ребров! Какие - то люди идут по направлению к нам и, кажется, вооруженные.

Ребров схватил бинокль и полез на крышу.

«Правильно», — сказал Ребров.

— Правильно,—подтвердил он через минуту. Достал свисток и свистнул. Отряд сгрудился вокруг него.

— Восемь человек к воротам. Торошилов, веди. Остальные в цепь вокруг состава. На площадках! Приготовь пулеметы!—раздалась команда.

Все заняли свои места. Торошилов пошел к воротам.

— Товарищ Ребров!—вновь крикнул часовой.— Один из них идет для переговоров. Вон к воротам направился...

— Ладно. Пусть ведут его сюда.

Вооруженный человек, похожий с виду на конторщика или приказчика, через пять минут стоял перед Ребровым.

— Я—делегат железнодорожников,—начал он,—мы требуем, чтобы вы никуда сегодня не отправлялись и сообщили нам, что вы везете.

— А если не сообщу?

— Тогда мы остановим вас силой и сами посмотрим, что содержат эти вагоны,—ткнул делегат в сторону состава.

— Ну, так вы так и сделайте. А пока передай своим товарищам, что если они подойдут близко к Товарному Двору, я их обстреляю из пулемета. За справкой о нашем грузе пусть железнодорожники обратятся к областному исполкому. Иди, да не возвращайся.

Делегат молча повиновался. Подойдя к своим товарищам, он им передал что-то, и группа исчезла в ближайшем переулке.

Через полчаса подъехал к воротам запыхавшийся Голованов.

— Не мог раньше, чорт возьми,—говорил он в купе Реброва.—По городу паника. Везде кричат: „Большевики деньги увозят"... Железнодорожный комитет не может справиться со своими эсерами, они подбивают рабочих к выступлениям. Выезжай немедленно. Нельзя медлить ни одной минуты. Попытайся в Москву, если не выйдет, хорони груз в Кизеловском округе. Об остальном сговоримся по прямому проводу. Областком решил, что лучше ехать по горнозаводской линии,—там меньше движения.

— Но зато больше опасных мест,—возразил Ребров.

— Ты думаешь?

— И думать нечего...

— Тогда меняй маршрут. Буду знать один я...

— Поеду по главной линии, а там, если понадобится, в Кизел, через Чусовую. Что это? Слышишь?

— Тревога...

Ребров и Голованов выскочили на платформу— далеко у пассажирского вокзала тревожно гудели гудки железнодорожных мастерских. К ним присоединились гудки отдельных паровозов, винный и дрожжевой заводы в городе. Длинные, заунывные свистки с короткими перерывами. Сомнения быть не могло—железнодорожники созывают свой отряд.

— Езжай скорей, Ребров. Счастливый путь!

— Красноперов, — подбежал к локомотиву Ребров.—Идем. Держи путевку. Сквозная...

Мягко снялся с места и двинулся вперед в неизвестность поезд с золотом. Звуки тревожных гудков все шире и шире расползались над городом, а поезд развивал предельную скорость. Последние огни города погасли сзади. Золотой запас мчится на колесах дальше и дальше от чехов.

Небольшой автомобиль, как огромный мяч, скакал через корневища сосен по лесной дороге пригородного соснового бора. Бритый человек интеллигентной наружности сам управлял машиной. Около одной из отдаленных дач она остановилась. Навстречу приехавшему вышли трое мужчин в русских вышитых рубашках, подпоясанные шнурами. Все трое, бородатые и грузные,—уральские правоэсеровские комитетчики.

— Здравствуй, товарищ Герценштейн, — приветствовали они приехавшего, — заждались мы тебя. Вон хозяйка с хозяином за пельмени боятся, а, ведь, готовились они специально для тебя.

— Пеняйте на свои дороги, — резко прервал их приехавший, и все четверо направились внутрь дачи.

В чистой столовой стоял накрытый стол. На одном углу стояли тарелки для пельменей, графинчик водки, уксус, масло и гора хлеба. На другом пыхтел пузатый самовар, и его окружали ватрушки и деревенские ячные кулики. Время от времени в комнату входил владелец дачи, богатый кулак-крестьянин, и вносил на подносе все новые и новые угощения.

Он несколько раз входил и выходил из комнаты, поглядывая на гостей, когда же они перейдут к столу. Но, убедившись, что разговоры затянулись, махнул рукой и вышел во двор. Когда он вернулся, Герценштейн кончал говорить:

— Еще раз повторяю. В Самаре комитет учредительного собрания, Самаро-Златоустинская линия в наших руках. Сибирь не сегодня-завтра наша. В Ярославле, Нижнем-Новгороде, Муроме, Казани все готово для восстания. Сожмем Москву тесным кольцом, и она взорвется. Центральный Комитет

социалистов-революционеров прислал меня к вам, чтобы здесь, на Урале, в цитадели большевизма также попытаться пробить брешь. Пока мы не в силах восстать в Екатеринбурге, нужно деморализировать большевиков всякого рода волынками. Они увозят золотой запас. Вы предполагаете, что его повезут по горнозаводской линии. В Невьянске у вас все приготовлено к восстанию — есть силы против Советов. Телеграфируйте, чтобы приурочили восстание к моменту прибытия поезда с золотом. Помните, дело идет о полумиллиарде.

— Так что же,—переглянулись трое,—выходит, сегодня в ночь надо поднимать Невьянск, товарищ Герценштейн?

— Выходит.

— Тогда немедленно оповестим наши ячейки, чтобы среди железнодорожников пустили слух о невыплате заработной платы,—поднялся Сомов, самый благообразный из трех уральских эсеров.

— Иди, иди, голубчик,—торопил его цекист. Поймаем золотой запас—это даст партии неисчерпаемые возможности. Да и перед ЦК будет лестно. Можно сказать—голыми руками возьмем.

— Лестно, конечно,—поддакнул Сомов, захлопывая за собою дверь.

Цекист сам решил ехать на невьянское восстание и стал укладывать свой чемоданчик.

Со станции Екатеринбург I в семь часов уходил почтовый поезд по горнозаводской линии. Вместо билетов служили пропуска, а в каждом вагоне размещалось столько пассажиров, сколько в него влезало.

По особому разрешению от облисполкома, в отдельном двухместном купе ехал председатель городского Екатеринбургского совета Нечаев и еще пять человек, спешивших на губернский съезд в Пермь.

— Ну, что, ребятки, кажись, поехали,—приветствовал Нечаев первый толчок паровоза.—Пока светло, почитаем,—развернул он книжку,—а в Невьянске ужинать будем.

Товарищи по купе последовали его примеру. После вокзальной сутолоки и бесконечных атак на занятое купе в нем воцарилась приятная тишина.

Через четыре часа показался Невьянск. В вагоне мирно похрапывали уставшие за день пассажиры. Входной семафор мигал своим зеленым глазом, и машинист безбоязненно вел состав к перрону. Вдруг впереди, около водопроводного крана, вспыхнул тревожный красный сигнал. Машинист резко спустил тормоза. Страшный толчок побросал спящих людей с полок, со звоном посыпались вылетевшие из рам стекла. За окном раздались выстрелы и резкие крики.

Нечаев выскочил из купе, недоумевая, где он. По коридору вагона бежал к нему навстречу человек в драповом темном пальто, брюки „на выпуск“, в деревенской войлочной шляпе и с винтовкой. За ним несколько таких же.

— Ты, Нечаев?

— Я.

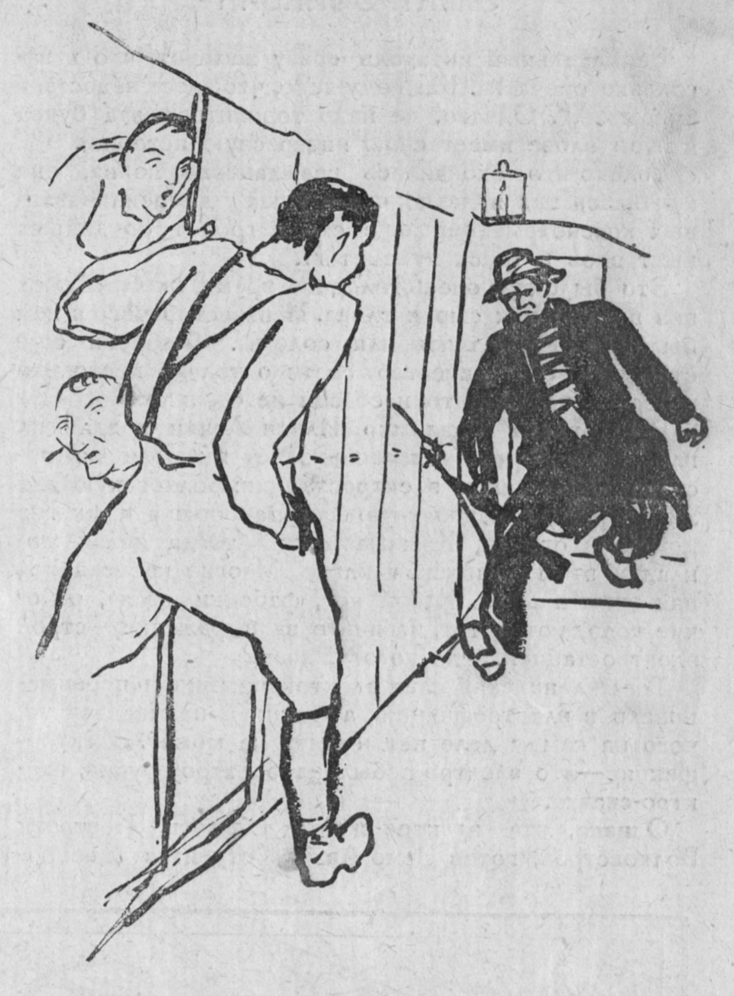
— Выходи, эй, вы! — крикнула шляпа внутрь купе.—Приехали. Масло с яйцами.

— В чем дело, товарищ?

— Не разговаривать, лезь скорее, пока цел!—закричал на Нечаева малый в драповом пальто.

Нечаев вышел на платформу.

По платформе бегали люди, вооруженные старинными берданками, палашами и пистолетами,—похоже было на то, что они получили свое оружие из музея. Двое во френчах, с кобурами у поясов, прошли, раздраженно ругаясь.

Навстречу бежал человек с винтовкой.

— Говорил Герценштейну, узнайте точно, здесь ли они проедут; „Здесь, здесь“,—говорит, а вот теперь они уже по главной, наверное, на Каму перемахнули.

— Так, ведь, Герценштейн тут не при чем,—возразил второй.—Сомов давал информацию. Пойдем в штаб, там выясним, что же дальше.

Нечаев понял, что дело принимает скверный оборот. Об эсеровских намерениях ему было коечто известно.

Конвойные подгоняли арестованных и вели их по направлению к заводу. Невьянская падающая башня, наклонившаяся низко к земле, темнела вдали. Большой двухэтажный деревянный дом на скорую руку был превращен в тюрьму.

— Ну, вы, масло с яйцами, сидеть спокойно!—старший конвоир закрыл на запор дверь.

— Попали ребятки, — оглянул своих спутников Нечаев.—Однако, делать нечего. Утром виднее будет. А сейчас ложитесь спать, чтобы зря нервы не трепались. Арестованные легли, но досыпать было трудно.

(Окончание следует).

ПЛАН ВЕЛИКИХ РАБОТ

Очерк Б. ВИРКИНСА
Рисунки Г. БЕРЕНДГОФА

ЭЛЕКТРОФИКЦИЯ

Внимательный читатель сразу заметит, что в заголовке опечатка. Каждому ясно, что здесь недостает буквы „А“. Однако, не надо торопиться, эта буква в этом слове имеет свою интересную историю.

Только-что окончилась гражданская война, она кончилась так недавно, что в ушах у демобилизованных красноармейцев еще стоит грохот орудийных выстрелов и треск пулеметов.

Это было еще очень голодное время, хлебный паек вяз во рту, как сырая глина. Неизвестно чего в нем было больше — муки или соломы. Фабрики еще стояли, а электричество светило только несколько вечерних часов, а то и совсем не светило.

В это время Владимир Ильич Ленин предложил план, по которому в несколько лет нужно было построить громадные электростанции: Волховскую для Ленинграда, Днепровскую для Запорожья и многие другие. Товарищ Кржижановский тогда делал доклад об этом ленинском плане. Многие насмехались над этим планом. Хлеба нет, фабрики стоят, рабочие голодают, а тут, извините за выражение,—строй электростанции. Для кого? Зачем?

Тогда ленинский план электрификации и переименовали в электрофикцию, а фикцией называется то, чего на самом деле нет и быть не может. Электрофикция—это электро-небылица, электро-ерунда, электро-сказка.

Однако, эта электро-сказка сбылась. Построен Волховстрой, готов Земо-Авчал, строится Днепрострой и много других „строев“ в полном ходу. Теперь все поняли, насколько нам нужен был ленинский план, потому что без электричества нам было бы труднее. Ленинградские заводы теперь живут Волховстроем.

Электрификация СССР в полном разгаре, и буква „а“ в этом слове чувствует себя хорошо.

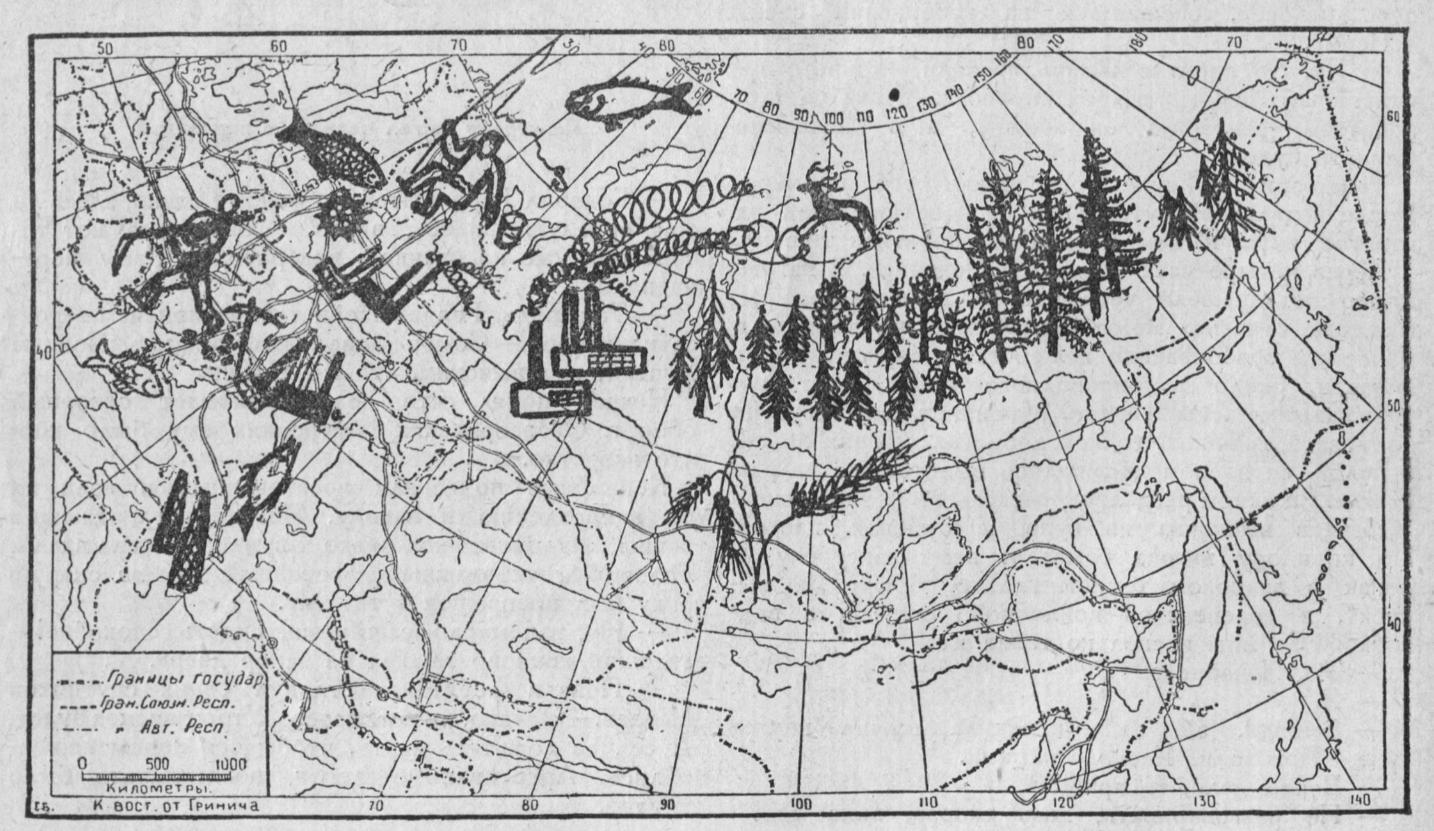
ПЛАН ВЕЛИКИХ РАБОТ

Мне кажется, что самые интересные карты в мире — это иллюстрированные географические карты. На этих картах бывает так: сидит около города Астрахани большой астраханец и ловит рыбу прямо в Каспийском море, которое тут же на карте нарисовано голубым цветом, на Украине стоит украинец и косит — одна нога его в Одессе, другая в Мелитополе. Очень интересно.

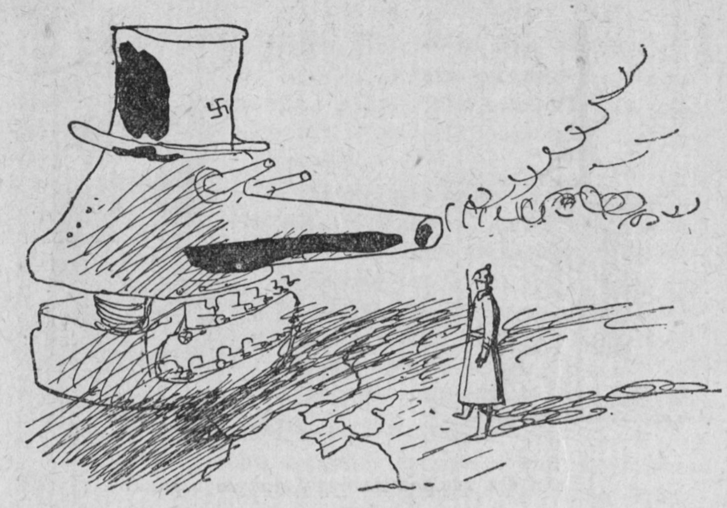
Можно нарисовать наглядную географическую карту СССР.

На карте можно нарисовать что где у нас есть. На Урале доменные печи—там металл. Большую часть Сибири покрыть деревьями и колосьями—там хлеб. На донецком бассейне шахты—там уголь. На Ленинграде вместо кружка, как всегда,—нарисовать машину. На севере через меридианы и параллели будут бегать олени, в морях будут по голубому нарисованы черненькие рыбы.

На такой карте мы ясно увидим, какого громадного хозяйства мы хозяева. Совершенно ясно, что умный хозяин должен знать, кого ему накормить сибирским

На такой небольшой карте трудно, конечно, нарисовать все богатства нашего Союза.

В каждом зубе, по меньшей мере, пулемет.

хлебом, куда дешевле и выгодней возить донецкий уголь, откуда взять металл для ленинградских заводов и чем топить московские фабрики.

Наша советская страна окружена врагами, буржуазными странами. Они щелкают зубами, а зубов у них много тысяч и в каждом зубе, по меньшей мере, по пулемету. Деревенский кулак борется за свою власть и посылает пули из обреза в крестьян, которые мешают ему заграбастать в свои лапы деревню. В постоянной борьбе рабочий класс строит и укрепляет первую в мире социалистическую республику.

Для того, чтобы лучше строить, лучше рассчитать свои силы, мы создали план развития нашего хозяйства на пять лет вперед.

Это первый большой пятилетний план в нашей стране. До сих пор у нас были либо годовые планы, либо большие планы по отдельным частям промышленности. Вот план электрификации был таким планом.

Пятилетний план сильно переделает нашу страну. Я боюсь, что на иллюстрированной карте пятилетки нехватит места для новых фабрик, заводов, школ, электростанций.

Я РАСТУ НА ОДНУ ПЯТУЮ В ГОД

Представь себе, что ты каждый год вырастаешь на одну пятую своего роста. Через пять лет ты вырастешь вдвое и станешь выше отца и матери, будешь гулять детиной в три метра высотой.

Советская страна каждый год пятилетки будет выпускать продукции на одну пятую (20%) больше, чем в предыдущем году. Через пять лет мы будем производить в два раза больше, чем сейчас. Мы вдвое вырастем.

А электричества у нас будет в четыре с лишним раза больше, чем теперь:

теперь 5 000 киловатт часов
будет 22 000 киловатт часов

Это вам не электрофикция, а электрификация, в которой не одно „А", а целых четыре с кусочком.

Как план помогает работать сейчас, ясно из такого примера:

ВОЛГА ВПАДАЕТ В... ЧЕРНОЕ МОРЕ

Балахнинская электростанция на Волге работает торфом. Торфяные болота рядом, и топливо возить издалека не нужно. Но торфа хватит не надолго. Вынуть весь торф из болота, чем работать электростанции? Поэтому Балахнинскую электростанцию не расширяли. Расширишь, а вдруг торфа нехватит, а уголь по железной дороге возить дорого. Как быть?

Здесь помогла пятилетка. В эту пятилетку будет построен Волго-Донской канал. Этот канал соединил Донецкий бассейн с Волгой. По воде возить уголь в десять раз дешевле, чем по железной дороге. Из Донецкого бассейна повезут штыб (угольные отбросы) на Балахну за 2 600 километров. Благодаря каналу—это все равно, что 260 километров.

Не боимся за Балахну,—будет работать на штыбе.

В Сибири строятся новые железные дороги. Значит, сибирским хлебом можно будет накормить центральные области, а южный хлеб мы можем вывезти заграницу в обмен на машины.

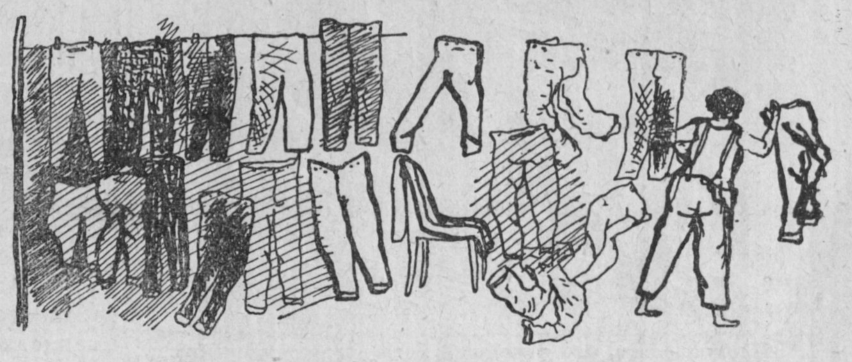
Всякому понятно теперь зачем нужен пятилетний план.

ДВАДЦАТЬ ПАР БРЮК

Что было бы, если бы мы работали без плана. Каждому городу захотелось бы иметь швейную фабрику. Зачем? Люди голыми не ходят—холодно. Значит, одежда нужна. Одежду дешевле шить на фабрике. Но всякий понимает, что если фабрика будет работать только на один этот город, то через полгода на каждого жителя, включая детей, будет приходиться по двадцать пар брюк. Предположим даже, что жители разучились питаться, не ходят в кино, не читают газет — только покупают брюки. Так зачем же человеку двадцать брюк?

Положим, что фабрика будет продавать в другие города. Но, ведь, и там есть фабрика. Зачем же им чужие брюки, когда у них по двадцать пар своих.

Такая швейная теория никуда не годится. Нужно высчитать, сколько брюк нужно Советскому Союзу, чтобы не перестараться или недоделать. Высчитывают: населения в СССР—143 миллиона, из них длинные брюки носят, примерно, с шестнадцати лет Часть населения — самоеды на севере, узбеки в Средней Азии — фабричных брюк не носит. Остается столько-то. Зарплаты за пять лет рабочие получат столько-то. Из них на брюки могут истратить столько-то. Значит, брюк надо, предположим, тридцать миллионов. За пять лет их сделают тридцать фабрик. Двадцать у нас есть, значит надо еще десять построить.

Зачем же человеку двадцать пар брюк?

Это, конечно, шуточный расчет. Все такие расчеты гораздо сложнее. Этот пример с швейной фабрики в каждом городе выдуманный, но он ясно показывает, как нам трудно обойтись без плана.

ВТРОЕМ НА ОДНОЙ ТЕТРАДИ

А вот и настоящий расчет. У нас мало бумаги. Нехватает на книги и газеты. Решили составить пятилетний план по книгам и газетам. Посчитали, сколько у нас бумажных фабрик, сколько они могут выпустить бумаги, и решили: книг и газет у нас через пять лет будет в полтора раза (на 50%) больше.

И решили неверно, потому что не знали, сколько у нас будет новых школ, сколько учебников понадобится, сколько новых обученных грамоте будет, сколько новых культурных людей вырастет через пять лет.

Пришлось перерешить. Просмотрели пятилетний план других отделов промышленности и оказалось, что нам нужно книг, журналов и газет не в полтора, а в три с половиною раза больше. Решили построить новые бумажные фабрики, выпустить больше бумаги, типографской краски, машин и подготовить больше редакторов.

А что если бы не было пятилетнего плана? Сидели бы по три человека за одним учебником, и писали бы впятером в одной тетради. А это очень неудобно, как вы думаете?

Пятилетний план связывает в одно все части нашего огромного хозяйства. Разрабатывает и составляет пятилетний план Государственная плановая комиссия—Госплан.

Госплана нет ни в одной стране и не было никогда. Никогда еще ни одно государство в мире не задумывало своих хозяйственных планов так, как это делаем мы.

Предположим, что покойный Гото позовет японских фабрикантов...

Если бы ты рос на одну пятую в год...

И мы можем это делать только потому, что мы первое в мире государство, в котором власть принадлежит рабочему классу.

ЯПОНСКИЙ ГОСПЛАН

Заграничные капиталисты заинтересовались пятилеткой. Давно прошли те времена, когда они думали, что большевиков прогонят через две недели. Теперь они уже этого не думают, и некоторые из них удивляются:

— Вот так большевики! Вот так через две недели!

Вы уже знаете, что мы будем расти каждый год на одну пятую (20%). Буржуазным государствам и во сне такой рост не снился. Самая передовая и богатая страна—Соединенные Штаты—в самое лучшее свое время прибавляла каждый год меньше одной десятой (8,7%) продукции. Смотрите:

СССР каждый год пятилетки . . 20%
САСШ лучшие свои годы 8,7%

Буквы похожие: у нас—СССР у них—САСШ, а какая разница в цифрах!

В Японии был министр Гото. Теперь он уже умер. Он приезжал к нам в Москву и был в Госплане. Мы его пустили—пусть посмотрит. Ему Советская власть не понравилась, но очень понравился Госплан. Вернулся Гото в Японию и подумал, что хорошо бы в Японии иметь свой госплан. Только из этого ничего не вышло и не могло выйти, вот почему.

ПОГОНЯ ЗА МИЛЛИОНАМИ.

Предположим, что случилось то, чего случиться не могло—японский госплан заработал. Он высчитал, сколько деревянных сандалий—гэта нужно будет японскому народу за пять лет.

Позовет министр Гото обувных фабрикантов и скажет им, что три миллиона сандалий нужно стране в этом году.

— Хорошо,—скажут фабриканты.

— Ладно,—скажет Гото,—так вот вы, Хидиката-сан (сан—господин), сделайте на своей фабрике миллион сандалий, вы, Иосизава-сан, пятьсот тысяч, вы, Накамура-сан, триста тысяч...—и так всем.

А фабриканты (каждый про себя) подумают.

— Дурак я буду, если сделаю только миллион, сделаю два миллиона, заработаю вдвое.—Так каждый из них подумает, каждый и сделает, запретить им никто не может.

Получится не пять миллионов сандалий, а десять. Фабриканты похитрей, продадут свои сандалии, а у остальных останется их пять миллионов. Остановятся фабрики, рабочих выбросят на улицу, потому что не будет работы, а горы сандалий будут лежать на складах и гнить, потому что покупать их некому. А кроме всего этого, и рабочий тоже без сандалий останется—покупать не на что.

Вот и провалился японский госплан.

До тех пор, пока в стране власть у капиталистов, невозможен ни японский госплан, ни английская пятилетка, ни американский план электрификации.

МЕЖДУ ПРОЧИМ И КСТАТИ

Как раз в Америке правительство попробовало построить государственную электростанцию. Инженер Купер, по заказу правительства САСШ, взялся построить и выстроил огромную, замечательную станцию.

Эта станция стоит без работы.

Почему?

Капиталисты не желают ею пользоваться.

Вот такую станцию можно назвать американской электрофикацией без „А“ в середке и теперь это, наверняка, не опечатка.

КОГДА ВАМ БУДЕТ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ,

эта пятилетка кончится. В эту пятилетку вы вошли как школьники. На вас готовят тетради и учебники, ручки и карандаши. В следующую пятилетку вы войдете взрослыми, людьми, рабочими, мастерами и инженерами.

Изучайте пятилетку, следите за тем, как работает фабрика и завод в вашем городе. Будьте сознательными участниками пятилетнего плана и запомните 1929 год. Это—исторический год. В этот год задуманы рабочим классом и начали выполняться планы великих работ Союза Советских Республик.

План великих работ — это уже второй очерк о пятилетнем плане. Первый очерк назывался: «СССР будет металлическим» и был напечатан в прошлом номере.

Следующий очерк об электрической пятилетке будет напечатан в следующем номере.

Все силы нашей советской страны мы напряжем, чтобы выполнить пятилетний план. Все читатели «Пионера» следите за статьями о пятилетке в журнале.

А для того, чтобы знать, как работает мысль рабочего у станка и советского ученого в лаборатории над тем, чтобы помочь своему рабочему государству, читайте следующий очерк: «Кухня будущего».

КУХНЯ БУДУЩЕГО

ОБЗОР Р. К.

Недоступная для чужих любопытных глаз научная лаборатория любого советского ученого напоминает кухню, где над огнем спиртовок склоняются работники в белых халатах, похожие на поваров. В колбочках и ретортах они смешивают и приготовляют различные составы, рецепты которых часто держатся в тайне. Тайна эта необходима иногда для того, чтоб бдительный глаз иностранного соперника не подсмотрел секрета, нужного для советского производства. Тайна нужна для того, чтобы не передать в руки врага собственное оружие. Какие же это рецепты, и что за кушанья готовят эти кухни нашего Союза?

У нас трудятся над изобретением приспособлений, которые дали бы экономию советскому производству. Наши ученые ищут способы обходиться без ввоза дорогих заграничных красок, химических веществ, машин и т. п., потому что за них надо расплачиваться чистым золотом. У нас тратят много времени и трудов на то, чтоб отыскать секрет производства какого-нибудь вещества, необходимого для нашей промышленности и, найдя, избавиться от заграничных поставщиков. Например:

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОИСКОВ ЖИДКОГО ЗОЛОТА

Советский фарфор и фаянс стоят на одном из первых мест в мире. Но для росписи любой чашечки и блюдца из миллионов чашечек и блюдец, которые до сих пор производились, необходимо жидкое золото. Этого золота мы часто не замечаем. Края чашки, из которой мы пьем, обведены золотым ободком. Он из жидкого золота. Такой же, но более тонкий и художественный, золотой узор ты увидишь на

Фарфоровые изделия завода им. Ломоносова. Они хорошо идут заграницей, а мы на вырученные деньги покупаем машины.

красивой вазе за стеклом витрины на выставке советского фарфора. А между тем, это жидкое золото у нас никогда приготовлять не умели, нам приходится ввозить его из Германии. Немецкие промышленники дерут за него большие деньги и тоже золотом, но уже не „жидким“, а твердым, — золотой монетой. Получалось дорого и невыгодно, и десять

лет подряд ученые-химики искали и пробовали в своих научных кухнях всевозможные составы, искали секрет приготовления этого блестящего вещества. Седые химики и молодые лаборанты бились десять лет над разрешением этой загадки производства и, наконец, коротенькое сообщение в печати:

> «Дулевский завод (на Украине) в своей лаборатории нашел способ изготовления «жидкого золота» и уже вырабатывает до 120 килограмм самого лучшего двенадцатипроцентного «жидкого золота» в месяц. А в будущем предполагают производить его такое количество, чтоб хватило на всю фаянсовую и фарфоровую промышленность СССР».

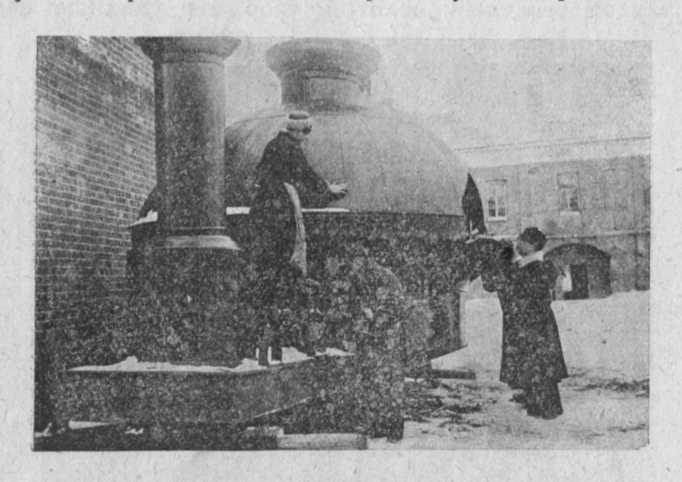
Десять лет исканий и неудач все-таки, наконец, оправдали себя! Каждый золотой ободок на тарелке, из которой мы едим, и на чашке, из которой мы пьем,—это наше собственное жидкое золото, за которое мы не обязаны платить никому.

ПУГОВИЦА НА СВОЙ СЧЕТ

Для производства простой пуговицы и то приходилось кланяться загранице. Нет у нас ни кокоса, ни перламутра и взять их неоткуда. Но додумались заменять их другим составом. Он называется галалитом. Эта масса идет на изготовление прочных пуговиц и вполне заменит и кокос и перламутр. В прошлом году трест „Мосхимоснова“ пустил в ход первый в СССР галалитовый завод. Сырья у него много, и наши пуговицы скоро покатятся по всему Союзу прочные, недорогие и хорошие еще тем, что они—свои.

О ХЛЕБЕ ПЛОХОМ И ХОРОШЕМ

Многие не знают, что до сих пор у нас много хлеба портилось от неправильной сушки зерен. Хлеб пекут из муки, как известно, а мука делается из сухого зерна. Так вот во время сушки зерна часто

Зерносушилка за работой.

доводят температуру до 90 градусов (это называется „перестараться“), и хлеб из такой муки всходил потом плохо, получался часто нехороший и никто не додумывался, почему это. Но вот этим вопросом занялась мукомольная лаборатория в Томске и начались опыты. Хлеб пекли, допекали, недопекали. Зерно сушили, пересушивали, недосушивали. Надо было найти: какая температура для зерна наилучшая: Чтоб из него мука была хорошая, а из хорошей муки—хорошо пропеченный и неопавший хлеб.

Золотник, изобретенный Трофимовым.

Долго пробовали, наконец, нашли температуру—60 градусов. При такой температуре зерно отлично высушено, мука хороша и хлеб всходит как следует. А если при тех же 60 градусах посушить зерна для посевов, то и посевы всходят наилучшие. До сих пор же этого не знали, и часто при выпечке хлеба зерно портили слишком жаркой высушкой, а зерно для посевов было сырое.

О РАБОЧЕЙ СМЕКАЛКЕ

Но не только в лабораторных кухнях готовятся рецепты нашего будущего. Будущее — в руках рабочих, которые по-хозяйски следят теперь, чтоб росли и крепли их фабрики и заводы. Поэтому так много сейчас замечательных рабочих изобретений.

Много изобретений сделали женщины-работницы. Вот работница Тимохина недовольна тем, как много пряжи пропадает от того, что нитка присучивается „в накладку“. Ведь это по-старинке, как наши бабушки работали. А надо как-то иначе, чтоб и лучше и легче и, главное, не пропадало бы свое добро—пряжа. Пряжа теперь не хозяйская, жалко ее зря тратить. И т. Тимохина изобрела новый способ присучивания нитки—„стыком“. Сейчас по этому способу обучаются фабзайчата десяти фабрик. В будущем, надеемся, ее способ будет принят везде.

Товарищи по работе часто издеваются над изобретателем. На снимке т. Малявко, которому много пришлось перенести за изобретательство.

Другая работница долго думала и билась над тем, как упростить производство коробок. Тяжело работницам „гильзы“ для коробок разглаживать руками на раскаленной болванке. Жалеет рабочие руки т. Кузнецова. И она додумалась: вместо рук—железные зажимы. Они плотно охватывают форму и от горячей болванки не пострадают. И работа идет вдвое скорее, больше коробок сделает работница и производству всему это выгодно и работницам—повы-

Победа изобретателя. Товарищи по заводу качают изобретателя тов. Соколова, который сделал 25 изобретений на Первом обозном заводе.

шается заработок. Вырабатывала 50 р., а при этом усовершенствовании—и все 80 руб. в месяц.

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ

Или вот рабочий транспортник изобрел золотник для паровозного оборудования. Маленький винтик, казалось бы, что в нем особенного, упрощает работу какой-то части машины и только... Однако, эта „мелочь" дает всему транспорту экономию в пять миллионов рублей ежегодно. Им оборудованы уже три тысячи советских паровозов. Пять миллионов рублей каждый год сбережет рабочее государство в своем кармане благодаря золотнику т. Трофимова. Вот уж поистине „мал золотник, да дорог".

Изобретать начинают все: пекаря, текстильщики, слесаря, шахтеры, металлисты. У этих вместо лаборатории-кухни — своя рабочая лаборатория: завод, производство. Там они варятся в котле трудовых буден, болеют за недостатки своего дела и придумывает самые простые способы улучшений, эти способы иногда так просты, что до них не додуматься другому ученому, который не стоит у станка, а польза государству от них огромная.

Трудное это дело—изобретать. Товарищи часто не вдумываются, не помогают, смеются. Начальство обходит молчанием, долго тянет, часто затирает изобретателя. Бывали случаи, что рабочего увольняли с завода „за изобретательство". Бывало, что товарищи травят: „Он — изобретай, а мы на него работай. Долой его, вон"! Но, несмотря на мытарства, рабочие изобретатели делают свое важное, единственное в мире дело. Работа их, встретясь с работой изобретательства советских ученых, создаст рабочему государству непоколебимую мощь и силу.

Телеграфиста Эдиссона когда-то выгоняли со всех служб за „безумные выдумки". Много, много позже американские капиталисты смекнули свою пользу от этих „безумных" изобретений. Они осыпали его деньгами, сами наживаясь вдесятеро на том, за что в юности его гнали в шею. У нас общественность взяла рабочее изобретательство под свою защиту. По почину т. А. В. Луначарского создано „Общество друзей молодых дарований". Это — тоже кухня будущего. Журналы „Изобретатель", „Наука и Техника" и другие регулярно печатают сообщения о новых изобретениях. Причем, пишут не о разных фантазиях и бесполезных выдумках (таких много). Пишут только о том, что проверялось, испытывалось десятки раз и, наконец, вошло в жизнь. Об этом будем писать и мы.

ТРАКТОР НА ПОЖАРЕ

Тревога, сигнал по телефону, несколько минут на сбор и—по улице, давая звонки и гремя, мчится красный пожарный автомобиль, какой-нибудь мощный „Магирус". Еще минуты две—три, и он уже у места назначения, и работа пожарников развертывается: шипят струи воды, люди бросаются на приступ горящего здания. Машина бездействует, она уже сделала свое дело — довезла с наибольшей быстротой, а это главное. Так в городе.

Но как быть в местностях, где никакому автомобилю ни пройти, ни проехать, ни повернуть? Например, на торфяных болотах? Торф часто самовозгорается, и тушить его очень трудно и опасно. А торфом, ведь, питаются многие сильные электростанции. Как быть? И вот начальник охраны Московского объединения электростанций, тов. Каширин, изобрел удачный способ тушить такие пожары—трактором. Гусеничный трактор, снабженный насосом, может пройти и там, где никакой проезжей дороги не существует. Ротационный насос производит до 1 500 литров в минуту, и ясно, что так много воды на неуклонно ползущем вперед гусеничном тракторе может потушить даже сильный пожар. Такой пожарный трактор уже существует и испытан. Проходит он решительно всюду, но предназначается исключительно для тушения пожаров на подмосковных торфяных болотах. А богатые залежи торфа этих болот питают станцию МОГЭС'а.

Итак, трактор—наш верный помощник не только в сельском хозяйстве, но даже в электрификации.

Пожарный трактор т. Каширина.

КИП **ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР**

№ 9

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ.

(Из устава КИП'а)

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

ЧТО БЫЛО В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ

Из коры деревьев, из травы, ягод, листьев каждый может сам приготовить краски любого цвета: из волчьих ягод—красную, из ромашки—желтую, из луковой шелухи—коричневую, из черники—голубую и т. д., и т. д. Чтобы приготовить краску, надо материал отварить в воде, сгустить, процедить отвар сквозь тряпку и разлить по бутылкам.

КАК КРАСЯТ ОТВАРАМИ

Приготовить отвар нетрудно, но как им красить? Если просто положить в отвар, окраска получится непрочная,

КВАСЦЫ

200 Гр. КВАСЦОВ РАСТВОРИТЬ В 3 БУТ. ВОДЫ

100 Гр. СОДЫ РАСТВОРИТЬ В ½ БУТ. ВОДЫ

смоется, слиняет при первой же стирке. Чтобы краска крепко пристала к ткани, надо ткань сначала «протравить», пропитать особым составом—протравой.

КАК ПРИГОТОВИТЬ ПРОТРАВУ

Возьмите два глиняных горшка—один побольше, другой поменьше. В большом растворите в воде 200 грамм квасцов. В маленьком растворите в воде 200 грамм соды. Квасцы и сода продаются в москательных лавках. Растворять лучше в горячей воде, а потом остудить.

Теперь, товарищи химики, начинается самая главная работа. Раствор соды понемногу приливайте к раствору квасцов. Прозрачная жидкость сразу замутится,—появится белая муть. Помешайте палочкой,—муть исчезнет.

Прилейте еще соды. Муть опять появится и опять исчезнет от перемешиванья. Продолжайте понемногу приливать соду и перемешивать. Наконец, муть перестанет исчезать. Это значит, что состав готов. Больше соды приливать не надо.

ПРОТРАВЛИВАНИЕ И КРАШЕНИЕ

Что мы будем красить?

Для пробы возьмем не рубашку, не платье, а тряпочку — ситцевую или льняную (шерсть красят иначе).

Положим тряпочку на несколько часов в протраву. Потом вынем, отожмем и повесим на кухне (в сыром и теплом месте).

На другой день возьмем нашу тряпочку, положим ее минут на десять в горячую воду (к воде прибавим немного содового раствора), потом тряпочку прополощем и положим в горшок с красильным отваром. Полчасика пусть тряпка полежит в холодном отваре, а потом поставим горшок на плиту и поварим отвар вместе с тряпкой—час или около того.

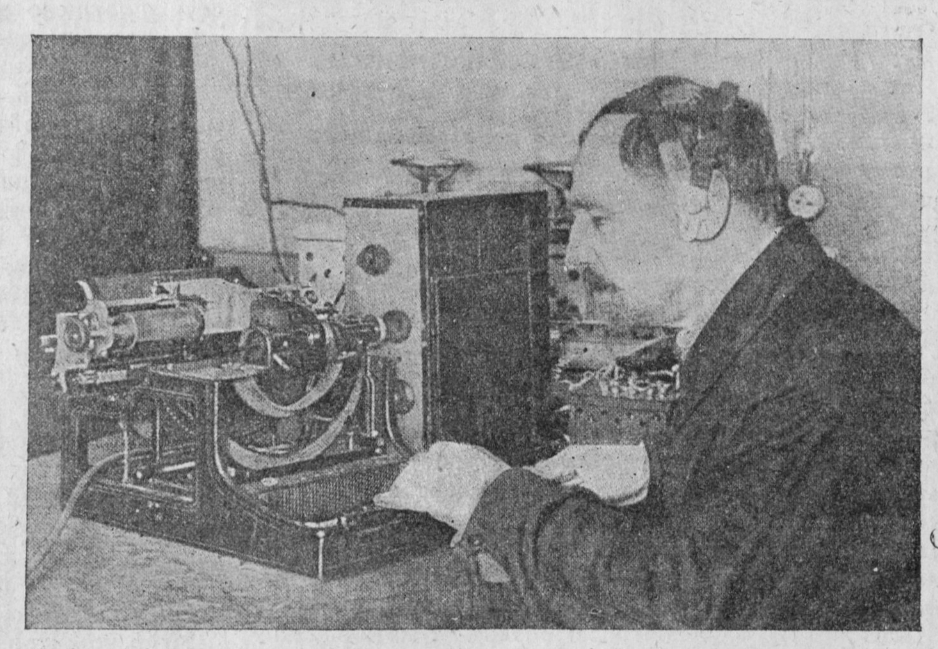
После этого останется только промыть тряпку мыльной водой, прополоскать хорошенько под краном и высушить.

Если опыт с тряпкой удастся, попробуйте покрасить головной платок или рубашку.

Работа нетрудная, справится с нею всякий. Только нужно терпение.

Девочки, показывайте пример мальчикам. Собирайте ягоды, цветы, листья. Варите отвары и красьте ими свои платья и платки.

Читающая машина

Что делает этот человек?

На первый взгляд кажется, что он пишет на машинке и одновременно слушает радио.

Но он не пишет, а читает.

Перед ним не пишущая машинка, а читающая.

Придумал читательскую машинку ленинградский профессор Розинг—для слепых.

Листок бумаги с напечатанным на нем текстом вкладывается в машину. Механизм приводится в движение. Листок начинает двигаться слева направо, медленно проходя мимо объектива машины. Объектив — это глаз машины. По устройству он напоминает объектив фотографического аппарата.

Объектив отбрасывает изображение буквы в отверстие особого аппарата-фотоэлемента. По мере того как буква движется, отверстие фотоэлемента то освещается, то затемняется, а от этого в аппарате то возникает, то прекращается электрический ток. Когда ток возникает, человек слышит в телефоне гудение. Когда ток прекращается, телефон перестает гудеть.

Каждая буква превращается в ряд коротких и длинных гудков.

Например, слово КИП прозвучит в читающай машине так:

Туу-ту-ту-ту-ту... Т-уу-ту-ту-туу, туу-ту-ту-тууу.

Запомнить такую азбуку, конечно, не так-то легко. Но при некотором навыке можно научиться читать на машине довольно быстро.

Со временем удастся, вероятно, построить такую машину, которая будет не гудеть, а говорить: читать вслух так, как читает человек. И тогда слепые будут с такой же легкостью читать газеты и книги, как и зрячие.

НОВЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ проф. ЧЕПУХОВСКОГО

I. ДВУНОГИЙ УГОЛЬ

На-днях я зашел к профессору Чепуховскому. Он подвел меня к окну и сказал:

— Представьте себе, что поперек тротуара устроена плотина, т. е. попросту забор из досок или заграждение из колючей проволоки. Чтобы плотину нельзя было обойти, тротуар огорожен колючей проволокой также и по всей длине. Посереди плотины узкий проход. В проходе—столбик, а на столбике вращающаяся деревянная крестовина. Такая штука называется «турникет». Вы, конечно, видели турникеты не раз. Они обыкновенно устанавливаются при входе в общественные сады или на пристани.

Ну, так вот. В проходе стоит турникет. Толпа, проходя сквозь отверстие в плотине, вращает турникет совершенно так же, как вода вращает турбину. А турникет, в свою очередь, приводит в движение вал динамомашины. А динамомашина дает ток.

Просто, не правда ли?

Через каждые десять метров—плотина. Турникеты работают непрерывно с раннего утра до позднего вечера. Особенно хорошо они работают в те часы, когда служащие спешат на работу или возвращаются домой.

— Но позвольте, профессор,— сказал я.—Ведь, от этого служащие будут опаздывать на службу.

— Опаздывать? Зачем же? Пусть выходят из дому пораньше. По моим расчетам, в среднем служащему придется вставать всего на какой-нибудь час раньше, чем теперь. И к тому же ранняя прогулка ничего, кроме пользы, не принесет. В небольшом размере я уже осуществил свою идею. Пройдемте в этот коридор.

Мы вошли в темный коридор. Едва я успел пройти два шага, как больно ушибся о какую-то перекладину.

— Не бойтесь,—сказал профессор.—Это и есть турникет. Навалитесь на него всем телом.

Я навалился на перекладину. Послышался скрежет и треск, как-будто кто-то заскрежетал железными зубами.

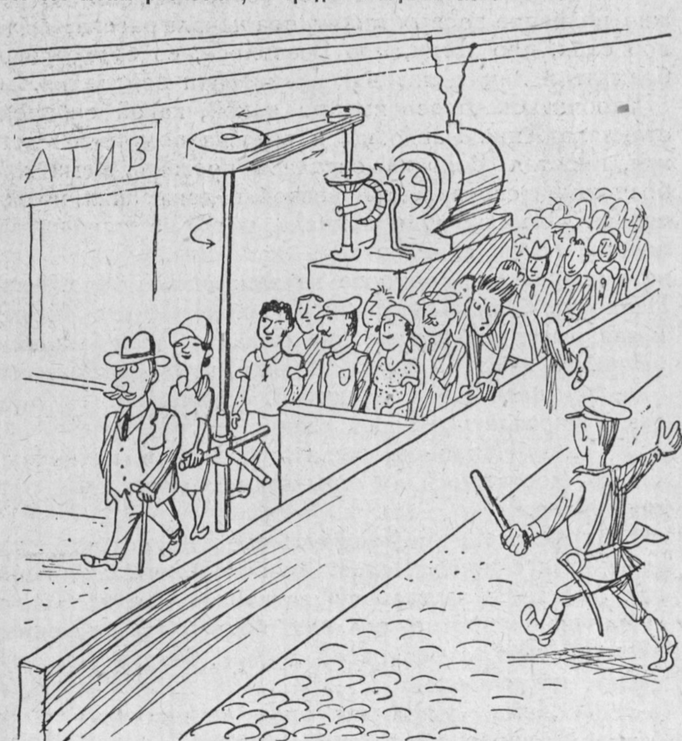
Еще один шаг, и снова такая же история. Я вспотел и еле переводил дух. Сзади пыхтел и отдувался профессор.

Наконец, третий турникет, и мы очутились на свободе.

— Ну, и задали вы мне работу,—сказал я.—Почему эти ваши турникеты так трещат?

— Видите ли,—сказал профессор,—я хотел было пристроить к своим турникетам динамомашины. Но так как мне не удалось их достать, я решил заменить динамомашины кофейными мельницами.

На валу каждого турникета сидит кофейная мельница. За неделю я успеваю намолоть порядочное количество кофе—так около четырехсот грамм. Я хотел поставить такую же турбину при входе в дом, но правление Жакта воспротивилось. Тупицы! Отсталые люди! Что-ж поделаешь, такова судьба всех изобретателей.

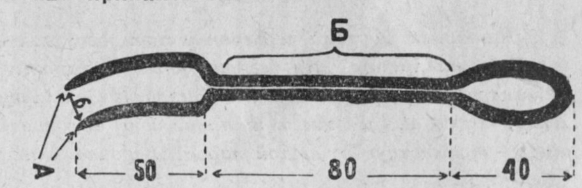
К проекту проф. Чепуховского. Рис. Б. Малаховского

Письма и предложения членов КИП'а

КАК Я СДЕЛАЛ ВИЛКУ

Из стальной проволоки легко сделать вилку для кушанья.

Для этого берется стальная проволока диаметром 2—$2\frac{1}{2}$ *мм* и сгибается плоскогубцами так, как показано на рисунке. Концы вилки нужно отточить подпилком, а место «Б» припаять оловом.

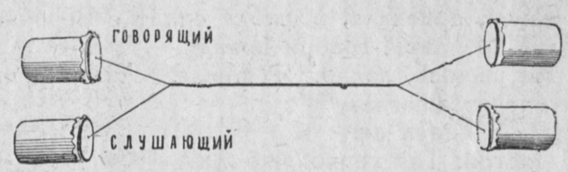
Теперь остается вилку обмыть водой, т. к. взятая проволока может быть грязная, и вилка готова к употреблению.

Игорь Маркелов.

Гор. Кириллов, Черепов. окр., ул. Братский союз, 10, кв. 1. 1929 г. 7/IV.

Нитяный телефон

Я думаю, что неудобство нитяного телефона по описанию В. Попова в 6 номере „Пионера" можно устранить. Нужно взять еще 2 таких же коробки, привязать пузыри и соединить их, как показано на рисунке.

Если хочешь говорить, предупреждай товарищей, побарабанив по нитке.

Если хотите, я напишу вам устройство другого телефона с проводкой из дома в дом.

Жду ответа.

Мой адрес: ст. Инза, М.-К. ж. д., улица Луговая (д. № нет). Борису Фролову.

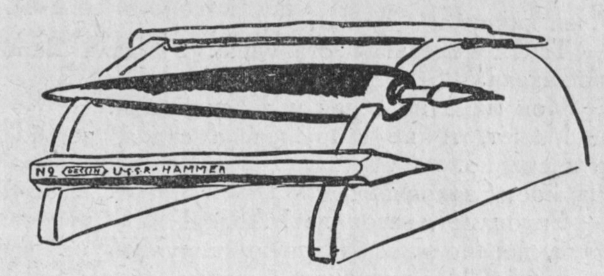
Уч-к VI гр. «А»—Борис Фролов

ПОДСТАВКА ДЛЯ РУЧЕК, КАРАНДАШЕЙ и т. д.

Дорогой тов. Ильин!

Прошу поместить в журнале «Пионер» в клубе КИП эту конструкцию, которую я сам выдумал. Если эту конструкцию нельзя поместить, ответьте через журнал, почему и какие в ней ошибки. Итак, начинаю.

Чтобы ручки не были раскиданы, а содержались на одном месте, всем советую сделать такую подставку. Из фанеры вырежем круг диаметром в 14 *см.* Этот круг мы по диаметру разрежем на два полукруга. Эти два полукруга мы плотно приложим один к другому и на них сделаем вырезы, как указано на рисунке. Нужно, чтобы вырезы на одном полукруге совпадали с вырезами на другом полукруге. Сколько ручек, столько надо сделать и вырезов. Теперь мы оба полукруга закрепим между собой палочкой в 15 *см* (рис. 7).

Сейчас подставка уже готова. Нужно ее очистить наждачной бумагой или окрасить какой хотите краской.

Ар. Хинкис (Киев).

Конкурс на лучший спичечный мост—в следующем номере КИП.

Зав. клубом—М. ИЛЬИН.

ДЕМИД ШАПКИН

Повесть А. КОЖЕВНИКОВА

Рисунки П. МИТУРИЧА

(ОКОНЧАНИЕ)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу-мастерскую в другой город. Верочка остается в коллекторе. Завхозиха привозит Деме 10 руб. и Верочку. Дема предполагает, что деньги от матери, и не хочет брать В городе наводнение. Учащиеся мастерской вызваны на борьбу с наводнением.

Игрушечники обедали, рассевшись на мосту, как прибежала Лиза, возбужденная не то радостью, не то печалью, нашла Дему и отозвала в сторону.

— Я всю дорогу бежала, сердце-то как колотится.

— Да ты и горячая вся. Ну, зачем?

Лиза искоса поглядела на Дему и шепнула—ей почему-то вздумалось именно шепнуть, а не сказать:

— Приехала твоя мама.

— Врешь, Лизка, сочиняешь!

— Ей-ей, приехала, в школе сидит с Верочкой.

— Не треплись, говори правду.

— Не веришь, ладно. Я пошла.—Лиза крупно и решительно зашагала.

Дема окликнул ее:

— Постой. Так верно, что ли?

Ты, Лиза, скажи, что мне некогда.

Лиза кивнула:

— Такая седенькая старушка. Увидала Верочку и заплакала.

— Моя мама не седая и не старушка.

— Может, и не старушка, а седая, не больно так, а сильно.

На мосту закричали:

— Затопляет, затопляет! Лодки!

Река, переполнив базарную, кинулась на овражную улицу. Игрушечники бросили обедать и повскакали.

— Демка!—крикнул Андронов,—отчаливаем. Бросай разговоры.

— Иду, иду. Ты, Лиза, скажи, что мне некогда. Я погодя немного, людей будем перевозить.

Дема побежал к лодкам.

Лиза неторопливо шла обратно, рукой опахивая свое разгоряченное лицо и повторяя про себя: „Будут спасать людей“. Она, торопясь к Деме, чувствовала себя вестницей необычайного, волновалась и думала передать весть как-нибудь торжественней, потом привести Дему и сказать:

— Вот он.

Ей хотелось обрадовать и его, и мать, порадоваться и самой, к тому же горячее, неистощимо веселое солнце побуждало радоваться и радовать других. Но радостная встреча сына и матери не удалась, ее отложили, и Лиза потеряла свою радость.

Анна Павловна встала навстречу ей и спросила:

— А где Демочка?

— Они там спасают людей. Он придет немного погодя.

— Разве ему нельзя отлучиться?

— Он придет, может, сию же минуту.

Анна Павловна вздохнула, позвала Верочку и вышла на крыльцо, с которого была видна улица в оба конца. Встреча с дочерью ей удалась. Верочка, увидав мать, прижалась к ней и зашептала:

— Я знала. Я молилась за тебя, мамочка.—Пережив волнение первых минут, она начала рассказывать про себя, про Дему, про Всеволоса, со смехом изображать в лицах жизнь коллектора и семилетки.

Верочка оказалась именно такой, какой ее представляла Анна Павловна, и встреча получилась легкая, простая. Верочка осталась прежней, немножко болтливой, своевольной, резкой в движениях, но дочерью. Она радостно приняла мать, не спрашивая, почему та ушла, не писала,—как дитя, которое еще не умело судить, которое не запоминало обид. Анна Павловна боялась встречи с сыном. По его письму к завхозихе она поняла, что Дема сделался большим, научился думать, судить, поняла, что осуждена им. Она приехала, как подсудимая, провинившаяся, приехала оправдаться перед сыном.

У Анны Павловны были оправдания, но она не верила, достаточны ли они, примет ли их сын, осудивший ее.

Ей хотелось скорей увидеть его и посмотреть—все выяснится с первых слов. Верочка безумолку говорила, время перестало существовать для нее. Анна Павловна, напротив, следила больше за течением времени, чем за болтовней дочери. Минул час. Лиза вышла на крыльцо.

— А Дема,—удивилась она,—не приходил?

— Он, верно, занят, пусть, пусть, я подожду.

— Я потороплю его.

— Не надо. У него дело, там гибнут люди, а свидеться мы успеем.

Но Лиза, выйдя через другое крыльцо, побежала к реке.

Дема стоял у перил и глядел на реку, с брызгами и ревом протекающую в узкую каменную трубу.

— Людей всех перевезли?—спросила Лиза.

— Да, одну старушонку выволокли прямо из воды.

— Тебя ждут, пойдем. Чего ты торчишь здесь истуканом? Мать, ведь,—не кто-нибудь.

— Река может хлынуть на другую улицу.

— Без тебя лишние есть. Не стыдно, мать приехала, а он... Хорош сынок. Тьфу!

— Скажи им, шли бы к Всеволосу.

— Может, прикажешь уехать?

Дема взял Лизу под руку и повел в Крестьянскую слободу.

— Ну что я скажу ей,—говорил он.—Надо радоваться, может, плакать, целоваться. Для меня бы лучше—отрекись она. Ну как бы встретила ты отца, воскресни он и приди?

— Чушь городишь, Демка, чушь!

Лиза ушла в школу, а Дема—на Крестьянскую, сел к окну и развернул книгу.

Первой вбежала Верочка и громко объявила:

— Демка, мама!—За ней вошла мать; последней Лиза и прислонилась к дверям.

Дема закрыл книгу и встал. Седенькая, постаревшая, Анна Павловна мелкими торопливыми шагами подбежала к нему и сказала:

— Здравствуй, Демочка.

— Здравствуй, мама,—сын протянул руку.

Мать помолчала, подобрала прядь выбившихся волос, потом обняла сына, губами прижалась к его голове и заплакала.

Вечером Анна Павловна позвала Дему в город:

— Пойдем, походим.

— Только недолго, мне надо будет в читальню.

На улице мать спросила:

— Как вы жили? Ты сделался молчаливым.

— Ничего жили, хорошо, только все спрашивали про тебя.

Мать слова Демы поняла как упрек и решилась высказать все оправдания.

— Помнишь ту ночь... Я все думала, как быть. Нет службы, квартиры, вас двое, и мне тогда вздумалось уйти, вас оставить, научиться чему-нибудь и потом взять. Будь я, вас не приняли бы в коллектор, а без меня сирот куда же денешь. Не правда ли, вас, ведь, приняли?

— Да, приняли.

— Я не хотела обрекать вас на голод, на скитанья. Я думала — без меня вам будет лучше, вы будете учиться, а учиться вам надо,—мать глядела на сына, стараясь понять, осуждает или оправдывает он ее. Дема глядел на дорогу, себе под ноги и слушал.

— Я убежала на станцию, села в поезд и уехала в Москву. Я не думала, что буду делать,—о вас думала, что без меня вам будет лучше. Ты веришь ли, Демочка?

— Верю, мама.

— В городе я поступила на курсы кройки и шитья и мечтала через год окончить их и взять вас к себе, зажить попрежнему, по-хорошему.

— Какие деньги ты посылала нам, если не служила?

Мать обняла сына и заплакала.

— Я шила по вечерам белье на армию. Собрала первую десятку и послала через завхозиху вам.

— Она, выходит, знала, где ты.

— Мы с ней переписывались, она писала про вас,— не могла же я, Демочка, целый год не знать, где вы и что с вами.

— Но почему ты не писала нам?

— Пойми, Демочка, я боялась, что вы не сумеете сохранить втайне, разболтаете по-детски, и вас не станут держать в детском доме, пошлют ко мне, а я куда—сама неустроенная, безработная.

— Я, мамочка, побегу, я все понял, вечером увидимся.

Дема убежал в читальню, а мать вернулась к Банкиным. Встреча с сыном не удалась, получилась не такой, какой представлялась издалека. Когда Анна Павловна ехала, она надеялась, что Дема остался, прежним, ласковым мальчиком, который, увидев ее, обрадуется и с первых же слов попросит почитать о замечательных людях.

„Что такое год, один маленький год,— рассуждала Анна Павловна.—Не могут они за год забыть, разлюбить меня, сильно измениться. Ну, чуточку выросли, вытянулись, а все же дети, они должны быть детьми“. Если бы Анна Павловна могла посмотреть на себя со стороны, она бы поняла, как много может изменить один год.

И перемена, происшедшая с Демой, удивила и обидела Анну Павловну.

„Он не рад, ему все равно, как-будто даже недоволен. О себе он не хочет рассказывать. Как понять такую сдержанность—приехала мать, чуть ли не воскресла из мертвых, а он подал руку и больше ничего. В чем я виновата? Бросила, для них же бросила“.

Анна Павловна не вытерпела и спросила Лизу с Верочкой:

— Дема какой-то странный. Вы, девочки, не знаете, он здоров? Расскажите мне про него, я хочу знать, как он жил.

Верочка сказала очень немного:

— Демка сердился на тебя, говорил все, то ли бы приезжала, то ли бы прямо сказала: не ждите—и в сердцах он разорвал твою карточку.

Лиза не сказала ничего.

Анна Павловна начала искать подходящий момент, чтобы переговорить с Демой, узнать всю правду. Момент этот наступил не скоро. Дема все бегал то на реку, которая продолжала дебоширить, разлившись по улицам, то в читальню, в учком, в редколлегию.

Ермаков с Андроновым готовились к выходу и свою общественную нагрузку передавали остающимся; значительная доля ее пришлась на долю Шапкина.

В конце апреля ему дали стипендию, и он переехал от Банкиных в интернат. С матерью он был ласков, нежен, уговаривал не грустить, о нем не беспокоиться, но навещал редко и мимоходом.

— Дела,—говорил он и уходил.

Анне Павловне казалось, что Дема избегает разговора с нею. Она ходила скучная, вялая, часто плакала и спрашивала Верочку:

— А ты меня любишь? Когда у нас будет своя квартира, Дема переедет к нам, как ты думаешь?

— Не поедет, на фиг его, одни проживем. Найдем квартиру обязательно в две комнаты, у меня будет своя, Лизка мне нарисует картин.—Верочка начинала мечтать о цветах, о гирляндах из зелени.

Квартира была очередной заботой Анны Павловны, службу она получила в трикотажной мастерской, правда, временную, всего на четыре месяца, но в маленьком городке без фабрик и заводов и то большое счастье.

Квартир сдавалось много, просторных, светлых, в две и три комнаты, с террасами, именно таких, о каких мечтала Верочка, но все они были не по карману.

Анна Павловна, осматривая их, говорила:

— Не для нас, пойдем дальше—искать нашу. Где-нибудь она есть и ждет.

Квартира ждала на Болотной в доме сапожника, из двух узеньких комнат с некрашеным полом, со скрипучей дверью и окном на пустырь, заросший крапивой. Ее сдавали за десять рублей в месяц. Анна Павловна сняла.

Верочка была недовольна.

— Ну что это?—ворчала она.—Пол ходит, окошко маленькое, чулан пахнет собачиной,—и Верочка помирилась с квартирой только после обещанья матери снять другую, когда они разбогатеют.

Квартиру вымыли, из ящиков и досок сделали кровати, у хозяина взяли стол и покрыли скатертью.

Верочка посмотрела и сказала:

— Какие мы бедные. У нас нету самовара, чашек, занавесок, с улицы все видно.

— Не грусти: большая вырастешь—заведем все.

Анна Павловна велела сходить Верочке за Демой.

Он пришел поздно вечером, похвалил квартиру и обратился к Лизе, которая на подоконнике расставляла игрушки, присланные Лужовым:

— Это на новоселье?

— Да. Хочешь, поставлю и в твоей комнате?

— В моей?—Дема хотел что-то прибавить, но мать перебила его:

— Комнату побольше займем мы с Верочкой, а маленькую ты. Уже приготовлена кровать, завтра я куплю стол для занятий. Где лучше его поставить, к окну? Ну да, к окну—свет будет слева. Вечером окно будем прикрывать газетой, а потом соберемся за занавески.—Анна Павловна торопилась предоставить полную и возможно приятную картину для Демы.

Он слушал и, облизывая языком губы, готовил слова. „Они обидят маму, но сказать надо,—думал он,—сказать придется“.

— Попробуем устроиться так, а будет неудобно, переменим.

— Мама, я не думаю переезжать из интерната.

— Да?—Анна Павловна села на кровать,—там лучше?

— Удобней, ближе к школе, потом я веду общественную работу,—она вся в интернате, и товарищи.

— А мать, сестра?

— Я буду приходить, как ходил все время. Напрасно ты сняла две комнаты: мне не нужно, а вам хватило бы одной.

— Дема, присядь, поговорим. Мы, ведь, толком и не говорили,—мать притянула сына и усадила рядом.—Я вижу, ты избегаешь меня, сердишься, осуждаешь, скажи. Ну осуди, если я, по-твоему, сделала неразумно, поступила жестоко, но будь сыном. Да, тебя не радует, что вернулась мать, ты не хочешь жить с ней.

— Мне в интернате удобней.

— Постой, погоди. Неужели у тебя не с чем обратиться к матери, посоветоваться, просто посидеть! Ты совсем не как сын—товарищи тебе дороже, а, помнишь, раньше как рвался в мою комнату, просил почитать. Ничего прежнего я не вижу.

— Мне некогда, я верчусь.

— Здесь можно отдохнуть; или у тебя все занято—для матери не осталось ни времени, ни доброго слова?

— Я, мамочка, очень люблю тебя.

— И живи с нами, в тесноте, да не в обиде.

— Нет, жить не стану. Лиза, я в интернат, нам по пути, пойдем.

Дема прервал тягостный разговор, и молодые люди ушли. Лиза начала было упрекать его за нелюбовь к матери, но он не дал ей.

— Я буду сердиться. Маму мне жалко, я ее люблю, не отказываюсь, чего же больше?

— Тебе интересней в школе, интернат дороже семьи?

— К товарищам я привык, а с мамой не знаю, что и как. Сидеть около нее и мурлыкать—я не кот. Больше со мной не заговаривай, не хочу!..

— Ты все-таки почаще заходи к матери. Я не буду приставать к тебе, только заходи почаще.—Дема обещал, но был так завинчен в работу, что забывал. В голове у него постоянно теснилось: „надо в клуб, на кружок, в учком, написать статью“, и мать вспоминалась редко, мимолетно. Ноги охотней бежали к толпе, к шуму, к спорам, чем на Болотную, где ждали комната, стол, тишина и седенькая мать.

ПТЕНЦЫ ОПЕРИЛИСЬ

Школа праздновала выпуск новых мастеров-игрушечников: стояла разукрашенная зеленью, флагами, красными полотнищами. Семья обыкновенно празднует появление новых членов—детей, город—встречу великих и славных людей, а вот школа—вылет

оперившихся питомцев. Новых птенцов она встречает сдержанно—не шумным торжеством, а торжественным молчанием. Как-будто неправильно: надо бы при расставаниях школы с учениками не радоваться, а грустить, но ученики идут навстречу самостоятельной жизни и деятельности, жизнь издавна считается интересней, приятней школы, и школа отходит в сторонку.

Случается—школа и ученики изрядно надоедают друг другу, ученики охотно признаются в этом, но школа старается не обнаруживать своих чувств.

Празднуя, искренно радуясь отлету горластых, требовательных птенцов, она все же делает грустный вид, обещается долго помнить их, но волны новой молодежи смывают память об ушедших, и добрую и недобрую. Где же запомнить руслу реки всякую, прокатившуюся по нему волну.

В тот день каждый школьник чувствовал себя героем и завоевателем, каждый поднимался на ступень выше: первогруппники делались второгруппниками, второгруппники — третьегруппниками, окончившие—взрослыми людьми. Они, вчерашние школьники, держались уже по-иному, разговаривали о вещах большого масштаба: служба, любовь, работа.

Первым героем, без сомнения, был Андронов: он ходил в новом костюме, при галстуке, а главное—в кармане пиджака имел путевку на службу.

Один из сибирских кустпромсоюзов запросил инструктора из вновь оканчивающих, и школа выбрала Андронова. Он получил сто пятьдесят рублей подъемных, оделся с ног до головы, не богато, но чисто и аккуратно. С ним обращались как с инструктором, завидовали его удачливой судьбе.

Шапкин был организатором праздника; вспотевший он носился по залам, лестницам, командовал и думал:

„Когда-нибудь и я, как Андронов, буду расхаживать в новом костюме, для меня будут устраивать праздник“.

Событие было важное, и праздник открылся торжественным заседанием. Торжественные заседания имеют одно достоинство—торжественность, во всем прочем они куда скучней обыкновенных. На торжественных не спорят, не каламбурят, а один за другим поднимаются ораторы и говорят серьезные слова о великих задачах, назначениях, ответственности. Слушающим делается страшновато: жизнь в их представлении делается тяжкой работой, непрерывным служением, одним словом—подъем на высокую, крутую гору, сплошная натуга без радости и отдыха.

Так было и здесь,—говорили заведующий, представитель ОНО, Шапкин от имени остающихся, инструктор кустарно-промысловой кооперации, говорили длинно, часто упоминали: „Вы должны, на вас надежда“, что у многих слушателей побежали мурашки. Андронов сидел между Лизой и первым токарем и шептал:

— Напугают черти. Я, ей-богу, останусь в школе, не поеду в Сибирь.

— Ну, ну,—тянул первый токарь,—притворяйся.

Андронов отвечал на приветствия от имени выпускников.

— Но в последний раз скажу. Я говорю спасибо, всем, всем: заведующему, Егору Сидорычу, товарищам. Не буду вспоминать ссор, неурядиц, ничего,—теперь не время, а пожелаю педагогам сделать много таких выпусков, товарищам дожить до такого дня. Хорошо, когда перед тобой вся жизнь,—лети, куда знаешь, а крылья молодые и крепкие. Мы, уходящие, единодушно говорим школе „спасибо“, что она дала нам крылья. Двенадцатирублевая стипендия, черный хлеб, кислые щи,—а народ получился бодрый, смелый: мы не боимся работы и жизни. Вот за то еще раз спасибо, что на черном хлебе и капусте школа сумела, ухитрилась дать нам знанья и выучку.

Ты совсем не как сын, товарищи тебе дороже.

Шла часть не торжественная: спектакль, пенье, игры, декламация, танцы. Все делалось одушевленно — одними потому, что они проводили в знакомых стенах последний вечер, другими, может, от майского воздуха, может, от своей молодости.

Андронов держался то около первого токаря, то с Лизой ему хотелось говорить им приятные вещи, радовать их, и он говорил:

— Я буду писать. Отвечать будете? А как-нибудь приеду навестить. Чорт возьми, вспомним школу.

Девушки радовались радостью Андронова. Он с путевкой в кармане был олицетворением их будущего. Их будущее как-будто приняло лицо Андронова и пришло на вечер, и они, улыбаясь Андронову, улыбались ему—своей возмужалости, свободе, званию не ученика, а гражданина.

Взрослые—отцы, педагоги, знакомые—сидели по углам, стояли у стен,—вечер принадлежал молодежи, и взрослые не хотели вмешиваться в ее дела. Зав. интернатом Узин разговаривал с Анной Павловной, которая пришла взглянуть на сына и его товарищей.

— Вас беспокоит сын, Шапкин. Он парень хороший, расторопный, внимательный. В своей мастерской, пожалуй, самый аккуратный. Вон как, посмотрите, владычествует над всем,—Узин показал на Дему, который руководил массовыми играми.

— Это мне приятно. Я о другом: он как не сын, забывает меня, сестру, почти не заходит, хотя мы

его очень любим. Рвется все сюда, к матери у него ни слов, ни вопросов,—какие-то механические, неживые, я бы сказала, отношения. Живое все здесь, в этом шуме. А раньше он был настоящим сыном. Почему такая перемена?

Узин пожевал губами и сказал:

— Зарубцевалось чувство семейственности, родственности.

— Как, как, я не поняла,—Анна Павловна насторожилась.

— Туберкулез зарубцовывается. Скажем, чувство к матери, к семье приравнять, вообразить, что это нечто похожее на туберкулез, так вот оно исчезло, на него, на чувство это, на места, пораженные им, легли твердые корочки, такие непроницаемые щиты.

— Но, ведь, эти чувства не болезнь, они—достоинство человека, и вдруг умерли. Это ужасно.

— Я не говорю по существу, болезнь или не болезнь, я называю только тот процесс, который произошел с вашим сыном. Теперь он не редкость, процессик очень распространенный. Не вы одни обижены, многие из родителей обижены.

— А дети? У них в душе нет язвы?

— Детям хорошо, язвы не замечают, им весело, просто, легко, у них все здесь, в коллективе. Они язвы не ощущают.

— А потом в горе, в одиночестве у них не проснется тоска?

— За этим наблюдать не приходилось.

— Но отчего этот процесс—такой неприятный, обидный для родителей?

— От полноты жизни, от занятого времени, от взрослости. Молодой человек попадает в мираж взрослости, самостоятельности, в обольстительный мираж, и забывает мать, прочих. Он работает, борется, организует, ему некогда, он занят, а сомненье, вопрос—пожалуйте, сотня товарищей, десяток педагогов, стенгазета, где можно спросить и получить ответ. Так построено, что молодой человек при школе, с товарищами совершает весь круг своей жизни, и вопросы там разные решает не один, а с помощью. Мама-то ему и не нужна, а если он маме нужен, так, ведь, это не его беда, мамина беда. Молодому человеку не хуже, а лучше, пожалуй,—Узин извинился и ушел.

Анна Павловна посмотрела на веселье молодежи и подумала: „Да, он прав, им хорошо“. Но ей захотелось убедиться, она поймала Дему и спросила:

— Как чувствуешь себя, хорошо?

— Очень удачный вечер,—ответил он и попытался уйти.

— Погоди. Ночевать домой, может, придешь?

— Нет, буду в интернате—выпускники ночуют последнюю ночь, и я вовсе не хочу ночевать где-то один.

— Не один, а с матерью?

— Ты снова о том! Здесь, мама, не место и не время говорить о чем-то, я даже и не понимаю, о чем ты все беспокоишься.

Верочка спала, вольготно раскинув руки. Ее закрытые глаза видели странную штуку—широкую, зеленую, непомерно длинную дорогу. Верочка идет по ней, она забыла, а может, и никогда не знала, давно ли и откуда вышла. И удивительное дело: надо бы устать, а нет усталости, напротив, чем дальше, тем быстрее шагают ноги, легче дышит грудь.

Дорога все интересней,—она идет по горам, берегам рек, озер, лесами: и горы, и реки, и леса какие-то нездешние, даже неописуемые, для каких не придумано слов: они и не низкие и не высокие, не большие и не маленькие, рассказать про них что-нибудь прямо немыслимо,—все, что ни расскажешь, будет не верно.

Анна Павловна сидела у раскрытого окна и следила за движением маленькой мерцающей звезды, готовой каждую секунду погаснуть, но не погасающей. Над сонным городом кочевали обрывки песен и выплески молодого смеха. Анна Павловна догадывалась: „Это в игрушечной школе. Сидят в саду“. Пыталась распознать голос Демы, но туман, влажность и расстояние так меняли окраску голосов, что распознать было невозможно.

Голоса разбудили Верочку. Она привстала, удивилась, что мать не спит, и спросила:

— Сколько времени? Я долго спала?—и, не дожидаясь ответа, начала рассказывать про удивительную дорогу.

— Мама, есть такая дорога?—спросила Верочка.

— Да, есть,—ответила мать и подумала: „во сне“.

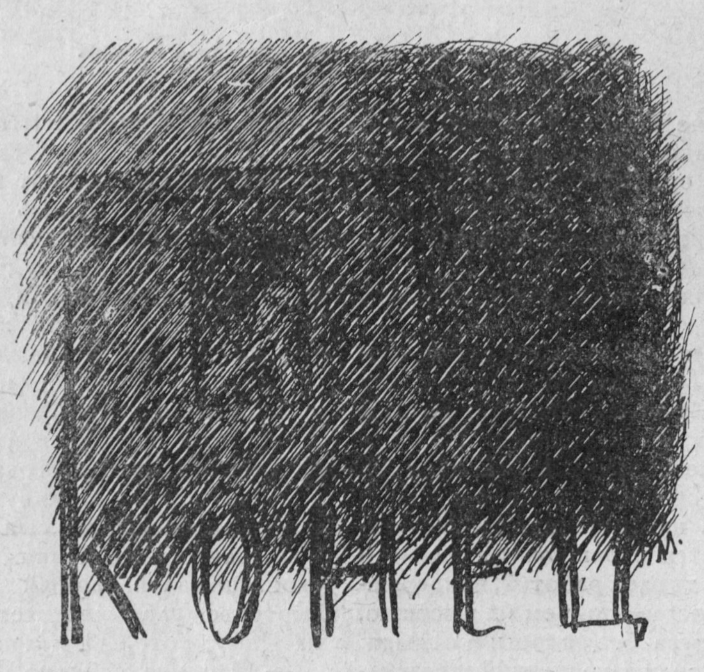
Верочка закуталась в одеяло и заснула. Анна Павловна отвернулась к окну и начала вспоминать темную ночь, и такую ветряную, что с деревьев падали еще не вполне состарившиеся листья.

„Хорошо ли я сделала, что ушла?—думалось ей—Да, именно—хорошо ли. А нельзя ли было придумать иное, лучшее“.

Она искала запоздалые выходы из того трудного положения, и все они, всякий самый нелепый, фантастический, в эту ночь казался лучшим, чем предпринятый.

Голоса и песни молодежи куда-то откочевали, смолкли. Наползла такая беззвучная, как бы бестелесная, предутренняя темь.

Тополь на тротуаре осторожно раскрывал свои почки, и только что родившиеся желтоватые трубочки листьев жадно припадали к холодноватой и сырой мгле.

Наказание Касыма

Киргизская сказка, записанная АЛЕКСАНДРОМ СЫТИНЫМ в селеньи у озера Иссык-Куль у Мухамед-Хан Кендырбаева.

Рис. М. ГОРШМАНА

Касым не имел семьи и жил один из-за своей скупости. Он был так жаден, что нарушал коран. После сбора винограда и жатвы пшеницы он посылал людей собирать оставшиеся ягоды и просыпавшиеся зерна.

Касым торговал только духами. Продавая запах, Касым получал деньги. У покупателя оставался пустой пузырек, а старый скупец складывал в сундук золотые и серебряные монеты. Одет был Касым в пестрые кусочки, пришитые один к другому. Это были заплаты. Сперва они появились, как яркие цветы, на одежде Касыма. Потом сблизились. Со временем они вытеснили всю материю и соединились.

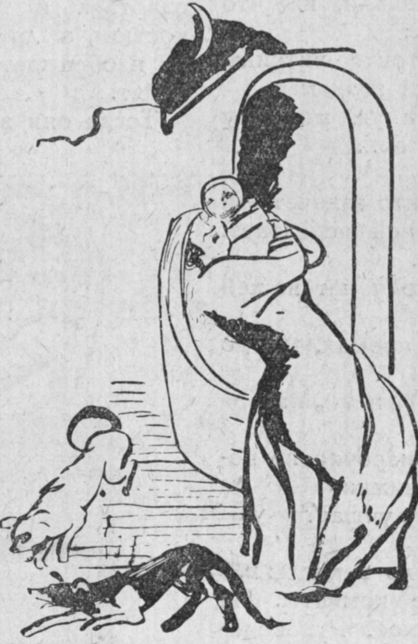
Калоши Касыма были позором сапожников и развлечением жителей. Они были столько раз заплатаны, что состояли из восьми или десяти кож. Мальчишки на улице кричали, что чокой Касыма похожи на кочаны капусты.

Однажды Касым пошел в баню. Банщик оскорбился, увидя калоши, и выбросил их на двор.

— О, кудай бердэ (бог послал)! — воскликнул жадный старик, надевая новые калоши мандарина. Но также быстро, как зубы собаки ловят блоху в ее густой шерсти, слуги мандарина разыскали похитителя. Касым уплатил большой штраф, и был высечен.

— Мои калоши приносят несчастье, — сказал он, возвращаясь домой.

Проделав в калошах дырки и привязав их на ремень, старик отнес и бросил их в реку. Он долго с удовольствием смотрел, как калоши плыли, дергая одна другую.

Калоши упали на голову женщины.

Когда пришла ночь, рыбаки бросились на колени и возблагодарили Аллаха. Улов потянул их сети по течению. Вытащив разорванные две сети, они нашли в третьей калоши Касыма, которые узнали сразу. Тут же ночью эти находчивые люди пошли и бросили намокшие пудовые калоши в окно лавки Касыма. Утром Касым увидел полы, залитые духами, и ненавистные калоши. Одна из них лежала на полке, а другая висела на ремне. Они набухли от воды и духов и распространяли приятный запах. Края всех заплат распустились, как лепестки цветов.

Касым схватил калоши, как-будто поймал в лавке вора, и поволок их домой. За высокой глиняной стеной был дом соседа. Ночью с помощью лестницы Касым перелез через стену и бросил калоши в яму, которая была под складом.

Несколько дней стояла жаркая погода, и калоши высохли. Когда хлынул дождь, они всплыли. Вода поднялась, яма наполнилась, а калоши подплыли к стоку и загородили выход воде. Вода стала затоплять склад. На крик хозяина сбежались слуги и люди с улицы. Одни выносили подмоченную материю, другие копали канаву, чтобы выпустить воду. Наконец, в грязной пене мелькнули калоши Касыма. Разгневанный купец поклялся, что пойдет жаловаться мандарину. С трудом их отнесли и бросили во двор старого скряги. Калоши потеряли

свой аромат и были очень тяжелы от налипшей земли.

Ночью Касым стал копать землю, чтобы зарыть в яму двух врагов, соединенных крепким ремнем.

Караульщик поднял крик. Прибежавший слуга мандарина оштрафовал старого скрягу за подкоп к соседу.

Тогда Касым решил сжечь своих преследователей. Утром он поставил их на самый верх деревянных вырезных ворот, чтобы они высохли. Целый день от калош шел пар.

Когда пришла ночь, среди уличных собак пошла сплетня, что на воротах Касыма вялится мясо. Собаки бросились к дому. Они взобрались по высокой глиняной стене и, прежде чем узнали о мясе, вступили в драку за его обладание.

В это время по улице проходила женщина. Она с удивлением увидела, что на воротах грызется целая стая собак. Когда она подошла, собаки заторопились, увидев человека. Они испугались за свою добычу. В усилившейся свалке две собаки упали, увлекая за собой калоши. Калоши упали на голову женщины и убили ее на месте.

Утром мандарин, облеченный большой властью и крутой человек по натуре, судил скупого Касыма. За склад и погибшую женщину он взял дом и виноградник и передал их купцу и оставшимся сиротам. После этого он взял деньги за разорванные сети рыбаков и за подкоп к соседу. Касым уплатил так много, что вся Кульджа радовалась. На другой день он уехал из города навсегда, и после него осталась только дурная слава. Она ходит по улицам Кульджи в виде двух старых калош.

Они имеют столько заплат, что похожи на кочаны капусты и напоминают всем, что скупость приводит человека к погибели.

В ГОСТЯХ У КНИГИ

(НА ВЫСТАВКЕ ДЕТСКОЙ КНИГИ)

Очерк ИГНАТА

У книжного театра.

Когда ребята вошли в первую комнату, сплошь уставленную витринами с книгами, руководитель сказал: „В этой комнате— книги, в другой— книжный театр, книжная география, книжная история, а в третьей... но про нее я сейчас не скажу, а то вы не захотите смотреть этих двух. Давайте осмотрим эту комнату“.

У ребят разбежались глаза, не знали, на что смотреть. Тогда руководитель сказал:

— Здесь у нас 500 книг. Просмотрите витрины и сосчитайте, каждый, сколько из них знакомых.

Стали считать. Оказалось не так уж много: у одного 48, у другого 52, у третьего 86...

Тогда предложили другую задачу:

— Просмотрите витрину,—какую кто захочет,—и скажите, каких книг, по-вашему, на ней нехватает.

Ребята принялись за обследование.

— Вот витрина приключений. Почему нет на ней Робинзона Крузо?

Руководитель сознался:—Это наш промах, мы до сих пор его не получили.

— А вот в „Гражданской войне“ нет „Макара Следопыта“,—торжествовали ребята.

Руководитель возразил:—Его мы нарочно не поставили. Мы брали только лучшие книжки.

— А разве „Макар Следопыт“ не лучшая?

— По-нашему, нет.

Ребята задумались, но спорить было некогда: все столпились вокруг стола посередине комнаты. На нем лежала груда отдельных картинок. Руководитель отобрал девять из них и сказал:

— Здесь картинки трех художников, по три на каждого. Они перемешаны. Отберите каждого художника отдельно.—И он роздал еще несколько таких пачек.

— Попробуйте сделать это сами. Здесь картинки трех художников: Лебедева, Чехонина, Кузнецова.

— Скажите, какие номера принадлежат одному художнику? В следующем номере „Пионера“ дадим ответ.

ШКАФ ПРЕВРАЩЕНИЙ

В нем всего-навсего несколько костюмов: индейца, спартака и т. д. Кто-нибудь оденется в такой костюм, а другие должны отгадать, какого героя он изображает. От этого шкафа насилу оттащили ребят.

Тогда они завязли в другом месте.

КНИЖНЫЙ ТЕАТР

Это был, собственно, макет театра. Вращающаяся сцена, разделенная на четыре части. Она медленно поворачивается перед зрителями, и те видят помещичью гостиную, где на столике перед диваном изящные книжки для изящных детей; дальше—в купеческой семье мать протягивает нарядной девочке книжку-подарок в золоченом переплете; за этой сценой—рабочая конурка, там мальчик: примостившись в углу на тюфяке, с трудом читает в полутьме засаленную брошюрку безграмотных приключений. Наконец, просторная и светлая советская читальня.

КОНЕК-ГОРБУНОК И ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА

Сказка про конька-горбунка написана давно, задолго до революции, и еще до революции печаталась много раз. Но, оказывается, только теперь можно печатать так, как она есть, без всяких изменений. На выставке показаны старые издания, и любопытно сравнить некоторые места:

Стану, царь, тебе служить,
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то—я был таков.

В старом издании этих стихов не найдете. Разве можно так дерзко разговаривать с царем?!

Против неба на земле
Жил старик в одном селе...

Царский цензор возмутился: „Разве может что-нибудь быть против неба?!—и изменил так:

Не на небе, на земле...

Много было еще интересного во второй комнате, но пора итти в третью.

ТРЕТЬЯ КОМНАТА

Там машины. Самые настоящие машины. Американка, которая печатает книгу! К услугам каждого уже набранное и сверстанное стихотворение, и каждый из ребят сам его печатал! Вот оно!

Дальше переплетные станки и мастер при них. Учись переплетать!

Дальше—деревянная доска с вырезанным на ней рисунком. Тоже каждый мог отпечатать его на бумаге.

И получалось!

Такой рисунок называется гравюрой на дереве. А. Н. Фаворский, который гравировал (вырезал) его,—сын известного нашего художника; ему 13 лет!

В этой комнате ребята совсем сходили с ума! Каждому необходимо было самому напечатать и перепачкаться в краске.

ИМЕНИНЫ ГИЗ'а

Государственному издательству этой весной исполнилось 10 лет. Это самое большое издательство в СССР. И не только в СССР—во всем мире!

Большую часть наших детских книжек напечатал ГИЗ.

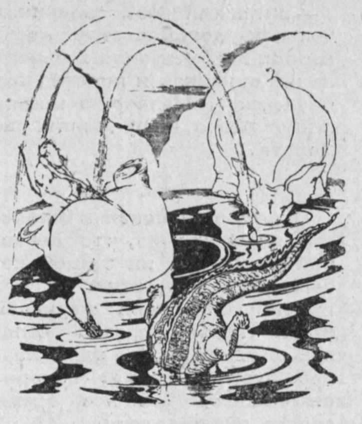
Поэтому он и решил устроить выставку детских книжек и показать не только самые книжки, но и историю книжки для детей и то, как она делается, как с ней можно работать и даже играть.

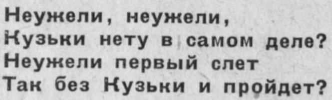

НАЙДИ ХУДОЖНИКА

КУЗЬКА ЯВИЛСЯ

Рисунки А. ЛАПТЕВА

Неужели, неужели,
Кузьки нету в самом деле?
Неужели первый слет
Так без Кузьки и пройдет?

Неужели? В самом деле!
В самом деле? Неужели!
Обыскали целый свет—
Отыскали лишь портрет.

Кузьки нет на целом свете.
Кузька только на портрете.
Знают все, что Кузьки нет,
Грустно смотрят на портрет.

Неужели? В самом деле!
В самом деле? Неужели?
Обыскали целый свет —
Отыскали лишь портрет!

Все помнят какую неразбериху произвело появление двух Кузек на Тверском бульваре. Даже милиционер, который от рождения ничему не удивлялся, и тот удивился, увидев сразу двух Кузек.

Это все равно, если бы на небе появились две луны сразу.

1

На улицах Ленинграда появилась странная фигура человека лет тринадцати в огромной шляпе и с веревками в руке. Он был очень возбужден и кричал что-то, повидимому, на иностранном языке. Он говорил „Jakuzkanaslot“ Многие думали, что это на египетском языке, но никто не знал его.

2

Человек лет тринадцати бодро вскочил на спину лошади извозчика Луки Саввича Вавилова, и, крича свое „Jakuzkanaslot“, стал бойко погонять лошадь упомянутого извозчика. Лука Саввич от удивления потерял руль управления, т. е. вожжи, и выпал из пролетки.

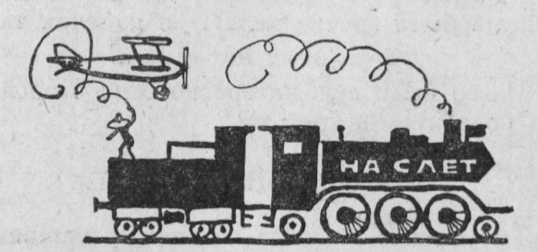
Лошадь Луки Саввича с детства не любила бегать. У нее был спокойный характер, но, услышав „Jakuzkanaslot», она помчалась так быстро, что догнала мотоциклет. Тогда человек в шляпе перескочил на мотоцикл.

3

Мотоциклист, очевидно, был египтянин, так как хорошо понял, что говорит ему человек в шляпе. Мотоциклист мчался, как бешеный, и три раза терял колесо, пока мотоцикл не остановился отдохнуть, прислонившись на ходу к ленинградскому автобусу белого цвета. Человек быстро вскарабкался на крышу автобуса.

4

Автобус фыркнул, почувствовав на своей спине опытного наездника. Фыркнув, он побежал на Октябрьский вокзал, что не соответствовало вовсе его маршруту. Обеспокоенные пассажиры высовывались из окон, крича проходящим, что автобус сошел с ума. Однако, услышав с крыши грозное: „Jakuzkanaslot!“, поспешно засовывались обратно.

5

Резервный паровоз набирал скорость, когда автобус догнал его между ст.ст. Малая Вишера и Бологое. Человек в шляпе вскочил на тендер, совершенно не боясь испачкать свой костюм, а белый автобус вернулся к исполнению своих обязанностей.

6

Телеграфные столбы мелькали по обеим сторонам пути, как шпалы под колесами курьерского поезда. Можно было понять, что паровоз торопился. Он знал, кто был его пассажиром.

— Jakuzkanaslot! — закричал человек догонявшему поезд аэроплану. Аэроплан немедленно снизился и полетел над паровозом. Человек в шляпе кинул лассо на фюзеляж самолета.

7

Он, т. е. человек в шляпе, испытывал то же, что верховой без седла на тощей кобыле. Увы, фюзеляж не был приспособлен для верховой езды.—Терпи,—сказал человек в шляпе, и это было первое русское слово, которое он произнес за все время своего путешествия.

8

Дверь отворилась сама собой, и пред лицом дежурного надзирателя предстал третий Кузька.

— Jakuzkanaslot, — сказал он, что, собственно говоря, означало: я, Кузька, на слет.— Неужели вы не догадались, что я должен был явиться к Всесоюзному слету. Стыдно, товарищи.

Дежурный по отделению покраснел от стыда, два первых Кузьки тоже.

9

Все разрешилось очень просто. Вот трое Кузек. Каждый скажет, кто из них настоящий, а кто поддельный. Но кто же они такие?

(Продолжение следует)

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Новая система пионерской работы направлена к тому, чтобы уничтожить скуку и лень в отрядах, чтобы повысить политическую активность пионеров, чтобы ребята взялись сами за работу и увидели бы, что они сами могут делать дело. В новой системе важное место занимает трудовая работа. Организовать ее тоже дело самих пионеров.

Редакция будет печатать из номера в номер статьи по мастерствам, а вы, ребята, организуйтесь в группы, работайте, пользуясь этим материалом и программами по мастерствам из книжки „к работе по-новому".

Пишите в редакцию о своих достижениях, неудачах, затруднениях и т. д. Спрашивайте обо всем, что вас интересует по мастерствам. Редакция будет отвечать вам на все вопросы, давать вам советы и указания.

Когда едят ботинки

Шоколад—штука вкусная. Но если человека кормить одним шоколадом, то он ему так опротивеет, что человек этот, для разнообразия, готов съесть собственный ботинок.

Приблизительно то же самое происходит во многих отрядах: у пионеров есть желание поиграть, узнать что-нибудь новое, покататься на лодках, организовать уголок живой природы, сделать скворешник ко дню птиц, а совет отряда и вожатый кормят весь отряд шоколадом. Проводятся, например, игры,—кроме игр отряд ничего не делает. И до того это дело надоедает ребятам, что в отряд многие ребята не ходят, и отряд помаленьку распадается.

Откроем глаза и уши

Все пионеры наверное слышали о новой системе пионерской работы. Новая система поможет отрядам сделать работу интересной. Для этого надо только пошире открыть глаза и уши на все, что происходит в отряде.

Что мы увидели?

Сидит Петя в отрядном клубе и вертит в руках проволоку. А лицо у него скучное - прескучное. Оказывается, он хочет радиоприемник делать, но не может: не умеет и некогда—надо итти на репетицию живой газеты. На репетицию ему итти не хочется, но итти надо, а то от совета отряда попадет.

Пойдет на репетицию живой газеты. Оказывается, она сорвалась: пятеро „артистов" сбежали. „Артисты" эти катаются на лодке.

Надо торопиться

Если дальше так пойдет, то от отряда ничего не останется. Надо торопиться, ребята! Уж раз есть в отряде пионеры, которые хотят мастерить что-то, надо мастерскую организовывать. Раз ребята сбегают с репетиции на речку, значит, надо отрядные и звеньевые лодочные прогулки устраивать. И вообще, что только пионерам хочется делать, надо замечать и помогать им это делать, только делать это должен не вожатый, а весь отряд, все ребята. Когда работать в отряде будет весело и интересно, убегать никто не будет, и в отряд пойдут неорганизованные ребята.

Дело большой важности

Большое внимание в новой системе пионерской работы уделено трудовому воспитанию. И недаром, ведь, вы знаете, что через пять лет нашу страну трудно будет узнать. Вырастут новые гиганты-заводы, появятся новые промышленные центры, земля будет обрабатываться более усовершенствованными способами и т. д. А для всего этого нужны будут инженеры, техники, мастера, агрономы, квалифицированные рабочие...

Значит, нам, пионерам, надо научиться работать! Мы будущие рабочие, мастера, инженеры.

Петя, возьмись за дело!

Раз тебе, Петя, хочется сделать радиоприемник,—делай его. Но сперва спроси у ребят, может быть, еще кто-нибудь хочет работать по радио. Если да, то организуй группу и работайте коллективно. Для начала возьмите книжку „К работе по-новому". Там есть программы по мастерствам. Вот вы и работайте по этой программе.

Попросите вожатого, чтобы он дал вам уголок в отрядном клубе, постарайтесь найти себе руководителя. Но если в отряде нет помещения и руководителя тоже не смогли достать—все равно, работайте. Работать, в крайнем случае, можно и дома, но только вы обязательно почаще собирайтесь всей группой вместе, советуйтесь, рассказывайте о своих неудачах и достижениях, помогайте друг другу и т. д.

Всеотрядная выставка

Когда вы научитесь что-нибудь делать, надо устроить выставку.

Увидят все ребята, что ваша группа умеет работать, и у них зачешутся руки и им захочется работать. И тогда организуются в отряде еще группы. Появится группа столяров, электриков, химиков и т. п.

Пионер-мастер

Наконец, программа из книжки „К работе по-новому" пройдена. Группа сделала много полезных вещей, научилась работать, кроме того, группа делала общественно - полезные дела: когда отряд находился в лагере, группа поставила в избе-читальне радиоприемник, вывешивала на видном месте сводки политических событий и т. д.

Тогда можно подавать заявление на совет отряда о том, чтобы пионерам этой группы дали звание пионер-мастеров. После того как совет отряда даст такое звание, его решение объявляется на общем сборе и в стенгазете.

Пионер-мастер должен не только уметь работать—он должен уметь организовывать работу. А для этого надо знать как работает фабрика, завод, электростанция, железнодорожное депо и т. д. А для этого пионермастер организует туда экскурсии своих товарищей.

Кром того, пионер-мастер следит за новинками науки и техники, за новейшими изобретениями (по журналам). Он знакомит с ними и своих товарищей.

Не форси

Уж если ты признанный отрядом мастер, то не форси. Помни, что каждый должен уметь работать и то, что ты мастер—не твое достоинство, а твоя обязанность. А если кто-нибудь в отряде не умеет работать, то ты должен не смеяться над ним, а помочь ему научиться работать, помочь ему стать тоже мастером.

Настоящий пионер-мастер

умеет сам работать и умеет организовать других для общественно-полезной и отрядной работы (например, починить сломанный мост, сделать койки к лагерю), он умеет использовывать для работы всякий негодный, бросовый материал (банки из-под консервов, старые башмаки, обрывки проволоки, стекло и т. д.) и всегда сам находит его. Он не останавливается перед затруднениями и начатое дело обязательно заканчивает.

Пионер-мастер — первый помощник вожатому и руководителю технических кружков и мастерских.

Пионер-мастер должен уметь находить руководителей для работ тогда, когда их нет в отряде: он должен помнить, что на предприятии, при котором находится его отряд, есть инженеры, мастера и техники, если их попросить притти в отрядную мастерскую показать и рассказать что и как делается, то они наверное не откажут в этом.

Кроме того, не надо забывать о родителях пионеров, о комсомольцах и о рабочих предприятия: они тоже многому могут научить.

Пионер-мастера отряда должны поддерживать связь с ближайшей школой Ф. З. У., с детской технической станцией и с журналом „Знание—Сила" (письменно).

Социалистическое соревнование

Когда в отряде появится несколько групп мастеров, можно вызывать друг друга на соревнование на большую полезность своей работы, на общественное применение своих знаний и т. д.

ПИОНЕР—ПОВАР

Многие ребята подумают, что для того, чтобы быть пионер-поваром, надо научиться готовить не меньше тысячи кушаний. Это совсем неверно. Правда, надо уметь приготовить простейшие кушанья (супы, каши, кисели, картошку), но знать надо много других, интересных и важных вещей. Что же это такое придется узнавать пионер-повару? А вот что:

1. Иногда и продуктов много, и хорошие эти продукты, а обед получился невкусный. А иногда наоборот — мало продуктов, а обед такой, что кажется вместе с тарелкой съел бы его. Почему это получается?

Это обязательно должен знать пионер-повар.

2. Очень важно знать как хранятся запасы, как приготовляются некоторые продукты, как можно механизировать поварское дело. Для этого лучше всего сходить на холодильник, на колбасную фабрику, на бойню, в большую столовую, на фабрику-кухню и т. п.

Хороший пионер-повар организует такие экскурсии и сам подробно знакомится с этими делами.

3. Что такое консервы? Как их самому приготовить? Нужно научиться консервировать грибы, ягоды, овощи, фрукты и т. д. для того, чтобы потом организовать в своей школе завтраки. Привлечь ребят в лагере для сбора грибов, ягод и т. д., консервирования их, а потом организовать в школе завтраки — дело пионер-повара.

4. Случается так: обедаешь — вдруг выволакиваешь из тарелки длинную мочалку. А то бывает, что кисель пахнет селедкой, или ешь картошку, а на зубах песок хрустит. В чем тут дело? Очевидно в кастрюле лежали селедки, ее плохо помыли и стали в ней кисель варить, а картошку просто не сполоснули даже. У пионер-повара этого не должно быть — у него все — и посуда и продукты образцовой чистоты.

5. Нередко в газетах появляются заметки: там-то отравились рыбой, там-то — колбасой, мороженым и т. д. Купили люди несвежую рыбу или колбасу, приготовленную из чего угодно, но только не из мяса—и отравились. Это уж просто ядовитая пища.

А то есть еще и подделки—подделывают кофе, какао, масло, сметану и много других продуктов.

Пионер-повар должен научиться распознавать вредное от невредного, свежее от тухлого, настоящее от поддельного. Какой же это будет повар, если он накормит своих товарищей тухлым мясом, а вместо какао — угостит глиной, разбавленной молоком? Плохой это будет повар.

6. Кроме всего этого, пионер-повар должен узнать режим питания: ведь, пища только тогда приносит наибольшую пользу, когда она каждый день принимается в одно и то же время, в определенных количествах и т. д. И, наконец, и режим и все свои знания пионер-повар должен переносить в отряд, в особенности во время лагеря, в школу, домой. Если кто-нибудь из вас (это относится не только к поварам) узнает или увидит, что где-нибудь торгуют недоброкачественными продуктами или продают очень плохие обеды—немедленно заявляйте об этом врачам санитарного надзора или в милицию. Этим вы спасете многих людей от отравления, а иногда даже и от смерти.

Наступает сезон овощей — этим надо пользоваться и есть их побольше и вареных и сырых. Действительно, нужна человеческому организму такая пища, в которой, кроме белков, жиров, углеводов и солей, есть еще достаточное количество вновь открытых добавочных веществ—„витаминов“.

Витамины мы получаем из зелени, сырых овощей, корнеплодов, фруктов и ягод. Отсутствие витаминов в пище особенно вредно для ребят. Пища без витаминов задерживает рост, влияет на крепость костей, истощает организм. Когда мы едим сырые овощи, все нужное и полезное для здоровья используется полностью; при варке же часть питательных веществ уходит, и чем дольше варить, тем больше теряются питательные свойства. Чтобы сохранить их как можно больше, овощи надо варить в закрытой посуде, в небольшом количестве воды и по возможности быстро.

Сырые овощи перед едой нужно мыть в кипяченой воде, и лучше даже обваривать кипятком.

Так как витаминов больше всего в зелени, то мы даем рецепт приготовления зеленых щей, которые очень вкусны и доступны; приготовлять их можно начиная с ранней весны до осени: сначала из крапивы, затем из щавеля, рассады, шпинату, салату; из листьев овощей: свеклы, репы, редиски. Из всякой зелени щи зеленые делаются одинаково. Такие щи хорошо бы почаще приготовлять в лагере, тем более, что это нетрудно, так как ребята сами могут всегда набрать сколько угодно щавеля.

ЩИ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Провизии надо: мяса 200 грамм, зелени 200 грамм, сметаны одна столовая ложка, муки и масла для заправки по чайной ложке, одну небольшую луковицу или зеленого лука и укропу, соли по вкусу.

Мясо надо обжарить и положить его в котелок, налив на него холодной воды $1^1/_2$—2 тарелки, лишняя вода прибавляется для укипки, дать ему сначала сильно вскипеть, а затем отставить на легкий огонь, чтобы тихо кипело, пока мясо будет готово.

Зелень надо перебрать, вымыть, отжать и положить варить отдельно в кипящую воду.

Разварив зелень до мягкости, ее надо откинуть на решето, дать стечь воде, отжать и мелко изрубить, или провернуть через мясорубку, лучше же всего протереть через решето. Воду, в которой варилась зелень, не следует выбрасывать: в нее при варке зелени уходит много нужных для питания солей, а потому ее хорошо вылить в суп или развести ею заправку для щей, вместо навара из супа. Заправка делается следующим образом: масло распустить на огне, когда оно закипит, всыпать в него муку, быстро мешая, чтобы вся мука пропиталась маслом, тогда в муку с маслом подливать понемногу горячий навар из супа или воду из-под вареной зелени, все время мешая, и довести до густоты густых сливок, готовую заправку смешать с протертой зеленью, влить в мясной навар и дать прокипеть. За $^1/_4$ часа перед едой положить в щи мелко изрубленные зеленый лук и укроп. Если зеленого лука нет, то положить мелко нарезанный репчатый лук, обжарив его предварительно в масле. Сметану можно класть в заправку, или подавать отдельно к супу. С этим супом едят круто сваренные яйца.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ КАРТОФЕЛЯ

По питательности на первом месте стоит печеный картофель, так как самые ценные питательные и вкусовые вещества находятся в кожуре и под кожурой картофеля. Употребляя печеную картошку, мы съедаем самые ценные части его. Ешьте в лагере печеный картофель.

Варить картофель так, чтобы он меньше терял своей питательности, надо в кожуре, потому что очищенный картофель при варке вбирает в себя много воды. От этого он становится водянистым и отдает часть своих питательных веществ воде и, кроме того, при обрезке кожуры, вместе с нею срезается верхняя часть картофеля, в которой особенно много витаминов. Не вздумайте только рассматривать витамины в лупу, все равно не увидите. Мы предупреждаем об этом потому что многие

могут обидеться: почему не нарисовал, чтобы мы их всегда узнать могли. А витамины-то и невидимы.

Единственно, когда надо варить картофель очищенным, это весной, когда он прорастает и в нем развивается особый яд „соланин", этот яд находится, главным образом, в ростках и кожуре. При варке проросшего картофеля очищенным, большая часть яда уходит в воду. Вода, в которой варится проросший картофель, ядовита.

ВАРЕНЫЙ МОЛОДОЙ КАРТОФЕЛЬ

Чтобы очистить молодой картофель, его надо насыпать в котелок, залить холодной водой и, взяв скалку, крутить его в воде. От этого молодая кожица очень быстро сходит и потом достаточно протереть картофель руками, чтобы он стал совершенно чистым. Варить картофель надо в соленом кипятке, и когда он сварится, откинуть его сейчас же на решето; когда вода стечет, переложить в котелок, прибавить масла и изрубленного укропу, покрыть котелок сковородой, несколько раз встряхнуть, чтобы весь картофель обмаслился и держать на загнетке. Оставлять сваренный картофель в воде нельзя, он будет невкусен и потеряет питательность.

МОЛОДОЙ КАРТОФЕЛЬ ЗАПЕЧЕННЫЙ

Очистить и сварить картофель, как выше сказано, нарезать кусками, положить в сотейник, смазав его предварительно маслом, и залить молочным густым соусом, который делается следующим образом: на каждую ложку масла надо взять одну ложку муки и, вскипятив масло, всыпать в него муку, хорошо размешать эту густую массу, разбавить понемногу, все время мешая, горячим молоком до густоты жидкой сметаны, посолить по вкусу и вылить на картофель, встряхнуть его, чтобы соус разровнялся, загладить сверху, смазать разболтанным яйцом и поставить в печку, чтобы зарумянилась корочка.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ДЛЯ ВАРКИ ВАРЕНЬЯ

Варка варенья начинается летом и продолжается до глубокой осени. Основные правила варки варенья одинаковы; какое бы варенье ни варилось, их надо соблюдать, чтобы иметь хорошее варенье.

Количество сахара зависит от сладости ягод, но, во всяком случае, не менее 200 г и не более 600 г на 400 г ягод. Чем больше положено сахару, тем больше выходит варенья, причем вкус и вид его будет гораздо красивее, так как при варке ягод в большом количестве сиропа они получаются цельные и не мятые. Для начинки в пироги можно варить густое варенье, беря на 400 г ягод 200 г сахару.

Для всякого варенья сначала варится сироп, для этого берется нужное количество сахара, прибавляется вода, смотря по сочности ягод. Варить надо в медном, не луженом тазу или в эмалированной кастрюле, иначе варенье выйдет темного цвета. Сначала варить сироп из сахара и воды; затем, когда на поверхности сиропа покажется множество маленьких пузырьков, то в сироп опускают очищенные ягоды и дают им вскипеть сначала на сильном огне, встряхивая кастрюлю, так, чтобы все ягоды были в сиропе, и снимая осторожно пену.

Доваривать варенье нужно на медленном огне, не мешать его ложкой, а почаще встряхивать тазик или кастрюлю. Если сахар по краям кастрюли пригорает, его надо обтирать мокрой чистой тряпочкой. Готовность варенья узнается следующим образом: капнуть каплю варенья на деревянный стол, если капля не расплывается, то варенье готово. Готовое варенье нельзя сливать горячим прямо в банку, которая может от этого лопнуть; кроме того, если так сложить горячее варенье, то ягоды всплывают наверх, и сок остается на дне. Варенье сливают сначала в каменную чашку и уже совершенно остывшее перекладывают в банку. Складывать варенье в простой глиняный, неполивной горшок нельзя: варенье приобретает запах глины и, кроме того, много сиропа впитывается в горшок, от этого горшок может даже развалиться. Горячее варенье покрывать крышкой или тарелкой не годится, потому что поднимающийся пар от варенья, превращаясь на крышке в капли воды, падает в варенье, которое от этого может скоро заплесневеть.

Покрывать варенье, пока оно не остынет, можно только чистой тряпкой.

ВАРЕНЬЕ ИЗ ЗЕЛЕНОГО КРЫЖОВНИКА

Одним из первых можно варить зеленый крыжовник. Красивого зеленого цвета варенье выйдет только из такого крыжовника, который и в зрелом своем виде остается зеленым. Тот же крыжовник, который в зрелости будет красный, при варке его незрелым всегда даст розоватый оттенок. Зеленый крыжовник нужно брать крупный и незрелый.

Разрезав его шпилькой вдоль, вынимать из него зернышки, и сейчас же бросать в холодную воду. Затем вынести его на погреб и дать ему простоять до другого дня. Откинуть его на решето и дать ему хорошо стечь, раза четыре встряхнув его в решете. Затем сделать сироп из 600 г сахара на 400 г крыжовника, смочить сахар, взяв 1/4 стакана воды на каждые 400 г сахару, а вода в достаточном количестве еще остается в ягодах, когда сироп хорошо вскипит, всыпать в него крыжовник, и варить на медленном огне, и часто отставлять тазик, встряхивать, чтобы ягоды налились, пену снимать, и во всем остальном поступать так же, как сказано для варки всех варений.

ВАРЕНЬЕ КЛУБНИЧНОЕ, ЗЕМЛЯНИЧНОЕ и МАЛИНОВОЕ

Все они варятся одинаково, но перед варкой всякая ягода требует особой подготовки. Чтобы клубника не разварилась, надо ножницами отрезать зеленые стебельки и листочки, а стержень оставить в ягоде. Малину надо перебрать и вынуть стержень. Землянику надо перебрать и обязательно варить в тот же день, как собрана, иначе варенье будет горчить. Горькое варенье выходит из земляники еще в том случае, если ягоды будут недозрелые. Во все эти ягоды берется на 400 грамм ягод 400 грамм сахару, воды же надо брать лишь столько, чтобы смочить сахар. Ягода эта водяниста, и сиропа будет достаточно.

Ягоды должны быть свежие и собраны в сухую погоду, иначе они не будут цельными.

ЯГОДНЫЙ СОК
(без сахара на долгое хранение)

Из всяких ягод можно заготовить на зиму сок, который очень хорошо сохраняется. Делается он следующим образом: перебрав свежие ягоды, их кладут в чистый горшок или котел, закрывают сковородой и ставят на всю ночь в печку. На другой день ягоды в котле разминают, вливают размятые ягоды в мешочек, завязывают и дают соку стечь. Затем сок кипятят минут 15, все время мешая и снимая пену; дальше надо процедить через частое сито или тряпку и, не дав соку остынуть, разлить в чистые нагретые бутылки.

Бутылки закупоривают размоченными горячими пробками и обвязывают бечевкой. Закупоренные таким образом бутылки обвязывают соломой, кладут в теплую воду в котел, ставят в печку, чтобы кипели минут 15, затем дают бутылкам остынуть и, не вынимая из котла, засмаливают их, окунув горлышко в распущенную смолу. Сок этот прекрасного вкуса, душистый и долго хранится. Из отжатых ягод можно приготовить вкусную смокву.

26092
1929

ЦЕНА 20 КОП.

Загадки Макара Свирепого

Наконец-то, я вернулся домой. Целых два месяца я был в отпуску.

Я поздоровался с хозяйкой и по коридору прошел прямо к себе в комнату.

В моей комнате был беспорядок. Кто-то рылся в моих книгах, открыл чернильницу и разбросал бумаги по всему столу.

Взбешенный я выбежал в коридор, увидел хозяйку и крикнул ей:

— Как вы смели заходить ко мне в комнату? Ведь, я же просил вас ничего не трогать без меня.

Хозяйка очень спокойно ответила мне.

— Чего вы кричите? Тут, пока вас не было, к вам приходили два человека. Один вскоре после того, как вы уехали, а другой вчера. Они были у вас в комнате, писали вам записки, а я ни разу не заходила. Я даже с вашими приятелями не разговаривала и ничего насчет вашего отъезда не сказала.

— Извиняюсь,—сказал я и вернулся к себе.

Ящик моего письменного стола был приоткрыт. Я заглянул туда и увидел две записки.

Был у тебя и не застал
приходи к тебе завтра в 5 часов
вечера. Есть очень важное
дело. Я буду точен
Петров

Был у тебя и не застал.
Приходи ко мне завтра
в 6 часов вечера
Есть очень важное дело
будь точен. Иванов

Я задумался, целых два важных дела. Одно из них я уже, наверное, прозевал. Надо не прозевать другое. Я посмотрел на часы. Было уже 4 часа. Но что я должен делать? Ждать Петрова или итти к Иванову? Телефона у меня не было.

КОСТРЫ

В одном руководстве по авиации я прочитал следующее:

«Начальнику аэродрома не мешает перед прибытием самолета в любое время дня и при любой погоде разжигать костры для того, чтобы летчик мог видеть, куда...»

Дальше текст переходил на другую страницу, но следующая страница, как на зло, была вырвана.

«Зачем же нужно разжигать костры, думал я, если днем летчик и без костров может увидеть место посадки?»

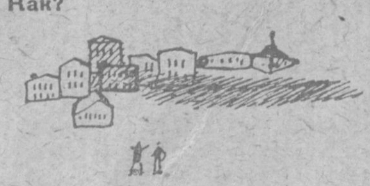
ДИРИЖАБЛЬ

Был ясный солнечный день. Дул резкий ветер. На городской площади стояло несколько человек и смотрели вверх на дирижабль. Дирижабль стоял прямо на площади, не двигаясь с места. Это происходило от того, что он летел прямо против ветра со скоростью—равной скорости ветра.

Два человека заспорили между собой о длине дирижабля. Один уверял, что дирижабль длиннее 100 метров, а другой уверял, что не короче 150. Оба они жалели, что у них не было никаких измерительных инструментов, кроме палки, длиною в метр.

А между тем, длину дирижабля можно было измерить не имея специальных инструментов.

Как?

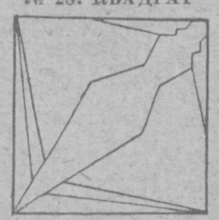

...ения задач, помещенных в ... «Пионер».

№ 27—ГОЛОВОЛОМКА

... Волга 32 Днепр 4... ... а Имя: Ленин.

№ 28. КВАДРАТ

№ 29. ЗАГАДКИ-ШУТКИ

а) Милан—Налим, б) Тюмень—Тюлень, в) Подряд, г) Секретарь, д) Рим, е) Тритоны. ж) Семья.

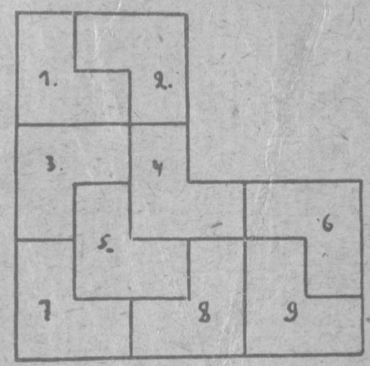
№ 30. ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИСХОДИТ

Это происходит потому, что эфир испаряется гораздо быстрее воды, и рука сразу теряет тепло, необходимое для испарения эфира, и получает ощущение сильного холода. С водой этот процесс идет медленнее и поэтому для руки менее ощутим.

№ 31. «ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ»

Колесо не будет вращаться потому, что хотя грузы на правой стороне дальше отстоят от центра, но зато число их меньше (на чертеже видно, что на правой стороне только четыре груза, а на левой их целых семь). Это приводит к тому, что грузы при всяком положении колеса уравновешиваются.

№ 32. ЗАДАЧА — ФИГУРА

№ 33. ГИРИ ИЗ КАМНЯ

Камень был разбит на 4 куска весом: первый—27 кило, второй—9 кило, третий—3 кило и четвертый—1 кило.

№ 34. ТЯЖЕЛЫЕ СПИЧКИ

У немногих хватит сноровки поднять спички.

№ 35. ШУТКИ

Н-о-с, Нос-о-рог,
Сто-г,

№ 36. СПИЧКИ

Спички прямо, спички вкось. Две спички вместе и две врозь, Спичка здесь, спичка там, и две спички пополам.

СПИСОК ПРАВИЛЬНО РЕШИВШИХ ЗАДАЧИ

1. Конкурсные задачи
(За каждую правильно решенную задачу засчитывается 1 очко)

БУКРЕЕВЫ Федор и Сергей (задачи №№ 1 и 3), СОУСТОВ В., Богородск (№№ 1 и 3), ПОПОВ В., Сарапуль (№ 1), ШИНИН Е., Сарай (№ 1), БУГАЕВ В., Севастополь (№ 1), ШЕЛОХОВ В., (№ 1), ГУРАРИ И., Мариуполь (№ 1), ЖЕНИШЕК Ю., Кзыл-Орда (№№ 1 и 3), ЧЕРНАВИН П., Алапаевск (№ 1 и 3), ЗВЕРЕВ С., Липецк (№№ 1 и 3), АЛЯКРИНСКИЙ Л., Сартана (№№ 1, 3, 11, 12 и 13), ШАРАМАЗОВА С., Тарасовка (№ 1), ТУПИЦИН К., Почеп (№№ 1 и 3), РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Л., Курган (№№ 1, 19, 22, 25, 30, и 31), МИРОНОВА, Перьмь (№ 1), МЫШЛЯЕВ И., Новоузенск (№ 3), ЧЕРСТВОВ Г., Сестрорецк (№ 3), КОГАН В., Буйнакс (№ 3), МЫШАЛОВ И., Балашев (№ 3), КОРНЯКОВ Т., Каменка (№ 3), КОЗЛОВА Т., Лысьва (№№ 12, 13, 20, 21, 23, 24 и 25), ШАГИН А., Харьков (№№ 19, 25, 30 и 31), КИСТАНОВА А., ст. Вичуга (№№ 19, 20 23 и 30), ДОГАДОВ А., Астрахан. окр. (№№ 19 и 25), КОГАН Ц. Ярославль (№№ 19 и 25), ШЕМЯКОВ В., Самара (№№ 20, 21, 23, 24 и 25), ПОВАЛИШИНА Т., Москва (№ 21), ВИШНЕВСКИЙ П., Джанкой (№ 23, АРХИПОВ Н,. Парфеньев посад (№25).

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ № 15 ЖУРНАЛА «ПИОНЕР».

Москва. Главлит А 42.454. Изд. № 3479. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. 35.000 экз.